

ISSN 2307-1966

Ноосферные Исследования

Междисциплинарный
научный журнал

2013

Выпуск 2 (4)

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

международный междисциплинарный научный журнал

2013. Вып. 2 (4)

РЕДАКЦИЯ

Г. С. Смирнов
(главный редактор)
Д. Г. Смирнов
(ответственный секретарь)
М. А. Меликян
(технический секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

О. А. Базалук, д. филос. н.,
Киев, Украина
А. В. Брагин, д. филос. н.,
Иваново, Россия
А. Г. Гачева, д. филол. н.,
Москва, Россия
Э. В. Гирусов, д. филос. н.,
Москва, Россия
В. Д. Комаров, д. филос. н.,
Санкт-Петербург, Россия
А. Н. Кочергин, д. филос. н.,
Москва, Россия
З. Милошевич, д. социологии,
Белград, Сербия
Г. Б. Наумов, д. геол.-м. н.,
Москва, Россия
В. В. Мантатов, д. филос. н.,
Улан-Удэ, Россия
В. П. Раков, д. филол. н.,
Иваново, Россия
Т. Н. Соснина, д. филос. н.,
Самара, Россия
К. А. Степанов, канд. эконом. н.,
Москва, Россия
Ф. В. Цанн-кай-си, д. филос. н.,
Владимир, Россия

Адрес редакции:
153002 Иваново,
Посадский пер., д. 8, офис 222.
тел: (4932) 32-42-62
E-mail: editor@glonoos.com

Электронная версия журнала
размещена по адресу
<http://glonoos.com>

Ежеквартальное издание
Издается с 2013 года

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании: истоки	3
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
Образование ноосферы и «русская дорога».....	4
ВЕЧНАЯ КЛАССИКА	
<i>Вернадский В. И.</i> Об основаниях университетской реформы.....	7
МЕТАФИЗИКА НООСФЕРЫ	
<i>Дмитревская И. В.</i> Принцип системности и мифологическое время в диалоге Платона «Тимей».....	39
НООСФЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	
<i>Горелов А. А.</i> Биосфера, пневмосфера и ноосфера: дух в единстве с природой.....	47
NOUS: ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ	
UNINOUS (ВСЕЛЕНСКИЙ РАЗУМ)	
<i>Смирнов С. Г.</i> О вероятной структуре ноосферы и природе мозга.....	67
EURONOUS (ЕВРОПЕЙСКИЙ РАЗУМ)	
<i>Милошевич З.</i> Социальные технологии и политическое сознание.....	73
RUSNOUS (РОССИЙСКИЙ РАЗУМ)	
<i>Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.</i> Философия и семиотика ноосферной идентичности: религиозный аспект.....	84
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Дмитревская И. В.</i> Отзыв на диссертацию Д. Г. Смирнова «Онтолого-гносеологические основания ноосферной истории: универсумно-семиотический и системно-синергетический подходы» (Иваново, 2012) (09.00.01 — онтология и теория познания).....	96
<i>Юбилей</i>	101
<i>Книжная полка</i>	104
<i>Summaries</i>	108
<i>Сведения об авторах</i>	111

NOOSPHERIC STUDIES

international crossdisciplinary scientific magazine

2013. Вып. 2 (4)

CONTENT

EDITORIAL OFFICE

Grigory S. Smirnov
(editor-in-chief)

Dmitry G. Smirnov
(senior secretary)

Merine A. Melikyan
(technical secretary)

EDITORIAL BOARD

O. A. Bazaluk, *doctor of philosophy*,
Kiev, Ukraine

A. V. Bragin, *doctor of philosophy*,
Ivanovo, Russia

A. G. Gacheva, *doctor of philology*,
Moscow, Russia

E. V. Girusov, *doctor of philosophy*,
Moscow, Russia

V. D. Komarov, *doctor of philosophy*,
Saint-Petersburg, Russia

A. N. Kochergin, *doctor of philosophy*,
Moscow, Russia

Z. Miloshevich, *doctor of sociology*,
Belgrade, Serbia

G. B. Naumov, *doctor of geology*,
Moscow, Russia

V. V. Mantatov, *doctor of philosophy*,
Ulan-Ude, Russia

V. P. Rakov, *doctor of philology*,
Ivanovo, Russia

T. N. Sosnina, *doctor of philosophy*,
Samara, Russia

K. A. Stepanov, *candidate of economy*,
Moscow, Russia

F. V. Tsann-kai-si, *doctor of philosophy*,
Vladimir, Russia

Edition address:

153002 Ivanovo,

Posadskii lane, 8, office 222.

phone: (4932) 32-42-62

E-mail: editor@glonoos.com

Internet version of the magazine
is placed at

<http://glonoos.com>

Quarterly edition

Published since 2002

On the publication: origins 3

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

Formation of Noosphere and Abby Road..... 4

ETERNAL CLASSIC

Vernadsky V. I. About the grounds of university reform..... 7

METAPHYSICS OF NOOSPHERE

Dmitrevskaya I. V. The system principle and mythological time in Plato's dialogue «Timaeus»..... 39

NOOSPHERIC EDUCATION

Gorelov A. A. Biosphere, pneumatosphere and noosphere: spirit in unity with nature..... 47

NOUS: JOURNAL IN THE MAGAZINE

UNINOUS (UNIVERSUM MIND)

Smirnov S. G. About probable structure of noosphere and the brain nature..... 67

EURINOUS (EUROPEAN MIND)

Miloshevich Z. Social technologies and political consciousness..... 73

RUSNOUS (RUSSIAN MIND)

Smirnov G. S., Smirnov D.G. Philosophy and semiotics of noosphere identity: religious aspect..... 84

REVIEW

Dmitrevskaya I. V. Review of D. G. Smirnov's doctoral thesis «Ontologo-gnoseological foundations of noospheric history: universum-semiotics and system-synergetic approaches» (Ivanovo, 2012) (09.00.01 — ontology and the theory of knowledge)..... 96

Anniversary..... 101

Book shelf..... 104

Summaries..... 108

Authors data..... 111

ОБ ИЗДАНИИ: ИСТОКИ

В каждом регионе России ноосферные идеи пробивают себе дорогу по-своему. Ивановская ноосферная традиция связана с появлением в начале XXI века (и третьего тысячелетия) двух изданий: «Ноос» и «Ноосферные исследования». Первый номер альманаха «Ноос» увидел свет летом 2001 года. Идея, принадлежащая профессору А. Н. Портнову (1948—2010), не получила своего дальнейшего развития и первый номер оказался последним. Однако мысли, высказанные тогда ивановским философом от лица редакционного совета, сохраняют свою актуальность и по сей день.

А. Н. Портнов, в течение двух десятков лет определявший европейский модус региональной традиции изучения философии сознания, сформулировал философско-антропологические основания ноосферной традиции. Обратив внимание на полифонию термина, он писал, что «*Ноос*» означает «разум», «мышление», «ум», «смысл», «замысел», «желание», «воля». В ранней древнегреческой философии «нус» — это не просто «ум». Ум, мышление древние греки, кстати, помещали в диафрагме. Нус — это мировое движущее начало. Мир разумен, потому что его причина «разум». Конечно, эта идея близка к распространенным в Древнем мире представлениям о том, что первоначалом мира является божественный разум или слово. Однако в идее «нуса» как действующей причины всего уже происходит отделение философского понимания сути дела от мифологически-религиозного. Впоследствии, в работах П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского «нус» находит свое место в идее ноосферы, перехода от биологической стадии эволюции к собственно человеческой. Отвлекаясь от того, что и у Тейяра и у Вернадского есть немало спорных моментов, следует все же признать, что идея разума как движущей силы развития общества в информационную эпоху завоевала немало сторонников.

*В нашем случае Ноос представляет собой в значительной степени символ объединения усилий ученых, работающих в близких областях знания*¹.

Образование ноосферы в этом смысле — коэволюция, синтез различных модусов «нуса»: российского (rus-nous), европейского (euro-nous), американского (us-nous). В настоящем номере представлен журнал в журнале «Ноос», сохраняющий «портновскую традицию», но формально не посягающий на интеллектуальную собственность социолого-психологического факультета Ивановского государственного университета.

---

¹ От редакционного совета // Ноос: научно-популярный альманах социолого-психологического факультета. Вып. 1. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. С. 3.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОБРАЗОВАНИЕ НООСФЕРЫ И «РУССКАЯ ДОРОГА»

«...когда мы отступаем,
это мы вперед идем»
И. Растеряев

Большевицкая тоталитарная власть прославилась тем, что уничтожила «эксплуататорские классы» помещиков, капиталистов, кулаков, большевицкая либеральная власть прославилась тем, что за такой же короткий срок уничтожила классы социалистического общества — рабочий класс, трудовое крестьянство и приступила к уничтожению «интеллигенции как класса». Социальная политика в России осуществляется по вечным институциональным калькам: кардинальные революционные деформации социума.

Результаты социальных модернизаций в России практически всегда мало предсказуемы. Так будет, очевидно, и на этот раз. Ноосферно-информационное сообщество XXI века не только размывает классы и нации, но и атомизирует человечество. История царств, империй и государств, а также классов и этносов заканчивается, начинается история отдельных людей, включенных в систему их непосредственных родственных связей, как это было в очень давние времена родового общества, но реально живущих в общечеловеческом земном пространстве.

Но есть еще одна особенность образования ноосферы — всеобщая информационно-компьютерная интеллектуализация. Этот процесс не остановим, и идущая быстрыми темпами секуляризация образования и науки лишь будет ускорять его: российское общество по какой-то особой причине не может без духовного развития. Эта синергия образования и есть главный фактор образования ноосферы, становления ноосферного человечества.

Термин «образование ноосферы» имеет три смысла: *первый* — синонимичен «ноосферному образованию», т. е. изменению системы образования на ноосферный лад, *второй* смысл предполагает, что речь идет о формировании образа и образов (эйдосов), без которых в человеческой истории ничего не строится, *третий* смысл — самый широкий — связан с представлением о «формировании» ноосферы, ее социокультурной и социоприродной динамике.

К последнему смыслу в современной ноосферологии больше всего претензий — слишком много намеков на искусственное (и, соответственно, насильственное) формирование. Философский смысл «формирования» связан с категорией «форма», как это имело место у Аристотеля, поэтому, задавая этот третий смысл «образования как формирования», всегда следует помнить, что аристотелевская форма берет свое начало в эйдосах Платона.

В русском языке применительно к ноосферной динамике и ноосферной истории есть еще один парадокс: некая синонимичность «системы образования» и «образования ноосферы» — образование народа (во всех смыслах этого слова) одновременно является и образованием ноосферы.

Современная постсоветская православно-олигархическая монархия, ведущая открытую войну с постсоветской интеллигенцией, может оказаться в положении монархии царской: необразованный народ чаще всего ищет террористические формы переустройства мира на пространстве от «бунтов бессмысленных и беспощадных» до гражданских войн.

Академик А. Л. Яншин в свое время (когда у нарождающегося нового государства была возможность пойти по пути ноосферно-экологического развития) сформулировал 12 условий становления ноосферы, о которых в той или иной форме говорил В. И. Вернадский — сейчас это общепринятое знание для университетского образования. Среди этих условий образование и здравоохранение народа, свобода научной мысли — главные.

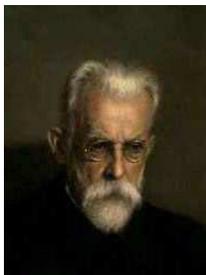
В. И. Вернадский много думал о реформировании образования в России и много сделал для развития университетского образования и науки в стране, его мысли и сейчас предельно актуальны. Отечественный ученый задумал цикл статей под общим названием «Письма о высшем образовании в России», к которым относятся «Задачи высшего образования нашего времени» (1913), «Высшая школа и научные организации» (1913), «Высшая школа в России» (1914)¹. Статья, которая опубликована в разделе «Вечная классика», написана в 1901 году и является своего рода началом начал. Мыслитель пишет об институциональной автономии университетов (как значительно позднее напишет об автотрофности человечества), о роли университетских ученых в развитии народа и государства.

Вечную классику сейчас следует читать не только профессорам и студентам, но также министрам и депутатам, чтобы понимать, как нельзя реформировать образование и науку, и, одновременно, видеть, как работает основной ноосферный закон («информация генерирует энергию, а энергия структурирует вещество») в непредсказуемой истории России, куда ведет «русская дорога», по меткому выражению Игоря Растеряева, «завещанная нам от Бога».

Григорий Смирнов

---

¹ См.: Вернадский В. И. О науке. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 218.

ОБ ОСНОВАНИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ

Впервые эта записка была издана Московским государственным университетом в виде отдельной брошюры в 1901 году. Текст работы приводится по книге: Вернадский В. И. О науке. Том II. Научная деятельность. Научное образование. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 115—143.

Записка «Об основаниях университетской реформы» явилась первой работой В. И. Вернадского по вопросам высшего образования. Она была издана Московским университетом в виде отдельной брошюры в 1901 г. Никогда не переиздавалась ни в сборниках произведений, ни отдельным изданием, ни в извлечениях.

Записка отразила его давний и глубокий научный интерес к проблемам народного образования вообще и университетского обучения в частности. Еще в 1881—1886 гг., будучи студентом Петербургского университета и после его окончания, став хранителем Минералогического кабинета университета, Вернадский вместе с друзьями образовал кружок, который поставил своей целью изучать проблему «Что читает народ?», отбирать, переводить с иностранных языков, издавать и посылать нуждающимся народным библиотекам дешевую литературу, главным образом просветительского характера, содержащую различные советы по сельскому хозяйству, экономике, естествознанию¹. Молодой ученый живо интересовался постановкой народного просвещения, прежде всего высшего, в России и за рубежом. Среди материалов его архива хранятся библиографические заметки, конспекты и выписки из исторической литературы и официальных изданий конца 1880 — начала 1890-х гг., касавшиеся исторического развития и современного состояния российских и европейских университетов.

Забота о народном просвещении отразилась на земской деятельности Вернадского. По его инициативе и при его активном участии в Моршанском

---

¹ См.: Корнилов А. А. Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга // Русская мысль. 1916. № 8. С. 49—86; Ольденбург С. Ф. Юношеские годы // Архив РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 4. Л. 14—25.

уезде Тамбовской губернии открывались школы, а одна из них была построена и содержалась на его собственные средства.

В 1890 г. В. И. Вернадский вошел в число преподавателей Московского университета и вместе с Н. А. Умовым, К. А. Тимирязевым, С. Н. Трубецким, П. И. Новгородцевым и другими профессорами включился в борьбу за автономию университетов.

Непосредственным поводом к написанию Записки послужил циркуляр, разосланный в 1901 г. министром народного просвещения П. С. Ванновским всем университетам в связи с предполагавшейся университетской реформой. Министерство интересовало мнение ученых о недостатках внутреннего устройства и организации работы университетов, а также о мерах по улучшению их состояния. Записка В. И. Вернадского явилась ответом на эту инициативу. «На лето у меня масса планов: придется возиться с запиской об Университетских делах...» — сообщал он в письме Н. Е. Вернадской от 7 мая 1901 г.² Вернадский не ограничился тем, что направил ее в Министерство, а напечатал в университетской типографии небольшим тиражом для рассылки коллегам и некоторым общественным деятелям. На одном из двух экземпляров, хранящихся в Государственной библиотеке Российской Федерации, имеется его собственноручная дарственная надпись: «Дорогому Павлу Ивановичу Новгородцеву от горячо преданного друга. Автор»³.

Непрерывающиеся студенческие беспорядки [1] невольно обращают внимание общества и правительства на вопросы университетского строя. Но всего ближе и сильнее затрагивают они тех, вся жизнь и деятельность которых связана с университетами. Мысль этих лиц уже давно неудержимо ищет выхода из тягостного положения. Предложением от 28 апреля 1901 г. [2] г. министр народного просвещения дал выход этим желающим: он обратился в Советы университетов с рядом вопросов, причем предоставил полную свободу высказываться обо всех изменениях и недостатках университетского строя, на которые Совет сочтет необходимым обратить внимание.

² См.: Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Ед. хр. 47. Л. 18 об.

³ Авторами комментария к публикации и последующих примечаний являются Г. П. Аксенов, М. С. Бахракова, И. И. Мочалов. Текст приводится по: Вернадский В. И. О науке. Том II. Научная деятельность. Научное образование. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 143—145 (комментарий); 145—147 (примечания).

При обсуждении этих вопросов — в печати, в обществе, в университетах — невольно были выдвинуты принципы и основания, на которых должна быть построена университетская реформа, стало на первом месте выяснение идей и задач русского университета: ибо тот или иной взгляд на эти основания предрешает ответ как на предложенные г. министром вопросы, так и на все те, которые могут быть поставлены.

При этом определилось несколько течений общественной мысли. Так, многие считают необходимым радикальное изменение университетского быта. Выставляется неизбежность и необходимость «творчества» в этой области. В результате такого «творчества» получился между прочим проект организации университетов, пропагандируемый одной из московских газет, который в действительности предлагает полное уничтожение университетов с заменой их специальными школами и научными институтами. Отголоски таких воззрений — не столь логически явные — слышатся в обществе и даже в университетской среде.

Другие лица, выставляя необходимость радикальной реформы, стремятся к типу университета, очень далекого от исторически сложившегося русского учреждения. На первое место выставляется *учебное значение* университета, исчезает его служение для выработки личности в молодом подрастающем поколении страны. Идеальный тип будущего университета строится путем логического развития основных принципов немецкого университета: свободы учения и свободы преподавания.

Наряду с этим выясняется течение, которое считает необходимым остаться на исторически сложившейся почве. Почти не слышны защитники принципов современного университетского устава, сильно влияние лиц, желающих вернуться к основам устава 1863 г. [3], который в глазах русского общества, студенчества и университетских деятелей выступает в небывалом блеске и идеале.

Вдумываясь в происходящее, нельзя, мне кажется, не остановиться ближе и не считаться серьезнее с этим последним направлением общественной мысли. Университеты являются вековыми организациями в русском обществе, в них искони идет сознательная созидательная работа. Люди, составляющие университетскую корпорацию, по самой основе вещей привыкли иметь дело с свободной областью мысли, обсуждать с точки зрения разума все основы природных и общественных явлений, а тем более основы организации своего родного главного дела, своей *alma mater*. Со времен Ломоносова русские

ученые вдумываются и работают над университетской организацией, а с 1765 г. [4] обсуждают не раз основы ее в коллегиальных заседаниях своих Советов. В то же время, по крайней мере 50 лет, шла и идет живая и, с точки зрения жизненности русского государства, крайне отрадная (что бы ни казалось под влиянием интереса минуты) созидательная работа и среди молодых членов университетской корпорации — среди русского студенчества. Интенсивность и сила беспорядков отчасти служат выражением того, что формы университетской жизни не отвечают выросшему сознанию и потребностям студенчества.

Немудрено, если при этих условиях в университетах создалась традиция, на всем их строе отразились мысль и воля поколений научно и свободно мыслящих людей. Ни эта традиция, ни эти основы университетского строя — его идеалы — не могут быть уничтожены без уничтожения самого русского университета. Но только враги России или бессознательные их поборники могут стремиться к этому несчастью.

Целью моей — по возможности сжатой и краткой — записки служит выяснение необходимости стоять на исторически сложившейся почве, на осуществлении исконных идеалов при реформе русского университета. Мне кажется, только путем вдумывания в исторический процесс, каким сложились современные русские университеты, и путем выяснения того, во что обратился в них устав 1884 г. [5], можно найти правильный выход из современного положения. Только путем точного изучения конкретных явлений могут быть найдены практические и верные меры, не нарушающие жизнь и не вырождающиеся в бедствия.

Но прежде я хотел бы сказать несколько слов еще об одном направлении мысли, которое слышится громко, часто и, несомненно, является любопытным симптомом общественного настроения. Все те, которые стремятся выйти из тяжелого положения путем реформы университетского *строя*, видят причину беспорядка *внутри* этого строя. Причина беспорядков и нестроений ищется, однако, очень многими *извне*, причем одни считают такой причиной пропаганду и агитацию злонамеренных людей из революционных или реакционных течений в русском обществе, а другие, признавая всю совокупность общественных форм не отвечающей росту русского общества, указывают на невозможность достижения спокойствия в университете при общем недовольстве в широких слоях русского общества или на химеричность надежды провести университетскую реформу, основанную на принципах

(например, на самоуправлении), которым нет теперь места в других формах общественной жизни или которые в ней уничтожаются.

Я не могу согласиться с представителями этих мнений. Не отрицая значения в университетской жизни всех внешних течений и нестроений русской государственности, я думаю, что их значение здесь особенно чувствуется лишь благодаря тому, что чисто академическая почва лишена устойчивости и взломана неудачными реформами.

Университеты представляют особые организации, которые только частью своих интересов связаны с государством или обществом. Основы их строя покоятся в вечных областях мысли и истины. Подобно церковным организациям, они могущественно влияют на государство и общество, до известной степени неизбежно отражают происходящие там течения и в то же время имеют независимую от них вековую жизнь, связанную с созидательным научным вековым трудом. Временами в них особенно резко проявляется общественное недовольство или нестроение, но это лишь тогда, когда в них самих, в их внутреннем строе, нарушена нормальная жизнь. То же самое мы наблюдаем в истории церковных организаций.

Задача реформы заключается в том, чтобы дать им известную опору и устойчивость для продолжения непрерывной энергичной научной работы, для умственного развития и выработки сознательной личности в молодом подрастающем поколении. Тогда в значительной степени ослабеет влияние внешних брожений.

Но для этого есть всего один путь, а не несколько различных. Таким путем является восстановление нарушенных основ университетской жизни. В числе таких основ важнейшей можно счесть *автономию университетской корпорации*. Такая реформа может быть проведена при всякого рода внешних условиях, так как университетская автономия не связана с формой государственного или общественного устройства. Конечно, иногда полное достижение идеала сразу немислимо, но и частичное его осуществление придаст университетам силу пережить и выйти из постигших их невзгод. Таким частичным осуществлением идеала был, например, устав 1863 г.

Конечно, реформа университета в духе автономии не будет безразлична в общественной жизни. Исторически университетский вопрос тесно связан с политическими движениями и стремлениями в русском обществе. Этому чрезвычайно способствовали создатели устава 1884 г. Однако существующий порядок, созданный уставом 1884 г., с точки зрения государственной еще более

опасен, ибо он постоянно волнует общество и вводит в столкновение с властью поколения молодежи; можно думать поэтому, что явится более удобным даровать университетам расширение самоуправления и прав даже в то самое время, когда область самоуправления ограничивается в других проявлениях русской жизни.

1

Мы привыкли относить историю русских университетов к одному 19 в. В действительности их влияние коренится глубже и значение их в общей культурной истории русского общества несравненно шире.

Впервые в середине 17 столетия в желаниях и требованиях одной части русских племен, входящих в состав Русского государства, в Украине, было выставлено требование об открытии в Киеве университета. В революционной борьбе это желание не получило никакого практического исполнения. Но с вхождением частей Украины в состав России, в 17—18 столетиях, в русское общество вошло значительное количество лиц, прямо или косвенно связанных с академической жизнью Вильны или Кракова или даже университетов Запада. Киевская Академия [6] во многом была сколком отставших католических университетов Запада и с середины или даже до конца 18 столетия в ней живо было чувство академической жизни, не носящее чисто профессионального характера. Уже с 17 столетия малороссийское «шляхетство» получало там воспитание, и чувство академической жизни охватывало молодые годы юноши. В Слободской Украине [7] 18 столетия такую же роль играл Харьковский коллегиум [8].

Одновременно реформы конца 17 — начала 18 столетия ввели в русское общество многочисленную иностранную колонию, нередко из лиц университетского образования. Путешествия русских людей за границу еще больше сближали с жизнью университетов Запада. Проводя годы за границей, тесно входя в жизнь западных — преимущественно немецких (отчасти голландских, иногда шведских, например Афонин и другие ученики Линнея) университетов — русские люди приобщались к вековой жизни этих учреждений, на них она откладывала несмываемый отпечаток, и, возвращаясь в Россию, они переносили и на русское общество влияние этой вековой культуры, которая становилась им родной. Особенно сильно это чувствовалось, когда молодые студенты увлеклись новыми, живыми, сторонами

академической научной жизни. Ломоносов, Радищев, метафизики 1830—1840-х годов — сколько живого, глубокого, не выражаемого в словах, но вместе с тем действительного влияния вековой культуры на русское общество!.. Оно тем самым «старилось» и также в конце концов теряло в глуби веков свою культурную генеалогию, как потеряли ее молодые и варварские еще в 15—16 вв. в глазах романских племен германцы.

Завоевательная политика русского государства тесно вплела в русское общество чуждые элементы, веками связанные с университетами — поляков, немцев, шведов, — и в русское государственное тело вошли старинные университеты: шведские в Дерпте и Або [9], польские в Вильне и в Варшаве.

В развитии русского просвещения их роль и значение (особенно Дерпта и Вильны) далеко не могут быть обойдены молчанием (не бесследны были даже и некоторые чуждые учреждения, например иезуитские и пиеристские коллегиумы в Литве, Польше, на Украине, Кременецкий Лицей и т. д.).

Еще значительнее стала эта роль в 19 столетии. Некоторые из этих университетов — Варшавский и Дерптский, — проходя различные стадии, были превращены в русские учебные заведения. В то же время в университетах Запада стали получать образование целые тысячи русских граждан. Особенно увеличилось это движение за последние 20 лет, как ввиду усиления националистической политики, вызвавшей отлив в университеты Запада русских подданных: евреев, немцев, поляков, так и ввиду незначительного по потребностям русского общества количества русских университетов, их переполнения и тяжелых условий жизни в них молодежи, заставивших ежегодно целые сотни молодых людей русского происхождения искать образования за границей. Возвращаясь назад в Россию, все они вносят в русское общество традиции, привычки и влияние вековой культурной жизни западных университетов.

Под этим многообразным влиянием поддерживаются и развиваются общественные требования и взгляды на университетское образование, находящееся в резком противоречии с действительностью.

В то же время и внутри русского государства молодые русские университеты развивались и создавали традиции в тесной и близкой связи с жизнью своих заморских братьев. В этой жизни многое шло своеобразным развитием, во многом наши университеты не похожи на западноевропейские образцы, но и их жизнь созидалась на почве тех же самых принципов и служила лишь своеобразной формой их выражения. В живом и могучем теле русского

государства и общества, очевидно, и не могло быть места простому механическому перениманию.

В 18 столетии по влиянию, оказываемому на русское общество, надо главным образом принимать во внимание Московский университет; хотя далеко не бесследно прошла одно время жизнь академического Петербургского университета. И из него вышли люди, оказавшие глубокое влияние на умственную жизнь русского общества, например Румовский, Севергин и другие ученые натуралисты; в связи с ним развивались первые попытки созидательной законодательной работы в этом направлении, в нем вырабатывались планы Ломоносова, примененные им в более молодом Московском университете. Эти нормы для Московского университета были в значительной степени взяты по типу немецких университетов. Но это в то время значило мало. Немецкие университеты, как они живут в наших современных понятиях, — свободные, самоуправляемые рассадники обучения и вместе с тем очаги самостоятельной научной работы — *создание 19 столетия*. К середине 18 столетия только некоторые передовые кружки подготовляли возрождение и изменение немецких университетов, получивших свое окончательное выражение в 19 столетии; они вызвали организацию новых немецких университетов, оказавших глубокое влияние на весь строй академической жизни в конце 18 столетия в Геттингене, в начале 19-го — в Берлине. В тесной связи с этими передовыми течениями академической жизни в Германии шло насаждение университетского образования в России. Русские университеты создавались не только по образцу существующих немецких, но по тому идеалу, к которому стремились передовые академические деятели Германии.

С самого начала Московский университет получил некоторую форму самоуправления. Влияние его ясно и сильно сказалось уже в 18 в. — об этом громко говорят одни имена Шварца и Новикова. Но лишь с начала 19 столетия, с основания других университетов, академическая жизнь нашла настоящие основы в русском обществе. В 1804 г. русские университеты получили наибольшие права и наиболее свободную форму самоуправления, чем какая выпала на их долю в позднейшие годы их развития. Они явились вполне свободными, самоуправляющимися корпорациями. По определению устава 1804 г., «университет есть высшее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное». Вместе с другими благими начинаниями первых лет царствования императора Александра I полное фактическое применение этих прав и неуклонное пользование законом установленным самоуправлением было

вскоре стерто наступившей реакцией, и до сих пор русские университеты помнят времена Рунича и Магницкого [10]. В эти года впервые поднялся призрак их уничтожения и превращения в специальные школы, который неизменно был по душе некоторым кругам русского общества в течение всего 19 столетия и грозил нам еще на днях. Не надо, однако, думать, что трудность применения в условиях тогдашней жизни свободного устава 1804 г., стеснение его в ближайшие же годы частными распоряжениями, упадок университетской жизни в царствование Александра I и в первые годы Николая I сделали бесследным в истории русской академической жизни Александровский устав 1804 г. Он явился идеалом, к осуществлению которого стремились лучшие люди русских университетов в позднейшее время; он давал ясные точки опоры и выражал определенные желанья. При обсуждении реформы 1863 г. основные принципы этого устава были выставлены Петербургским (1858), Московским и Харьковским (1862) университетами, многими отдельными лицами и, несомненно, оказали влияние на устав 1863 г. В первые годы действия устава 1804 г. в Харькове и Казани были счастливыми юношескими годами молодых учреждений, они не могли пройти безразлично и оставили неизгладимый идейный след. Самые гонения, которым подверглись отдельные члены корпорации в Казани, в Харькове и Петербурге, стоявшие за принципы устава 1804 г., постоянные житейские столкновения на его почве только способствовали закреплению его значения и создали трудноизгладимую традицию в академической жизни русских университетов. Фактически мало-помалу вырабатывались условия академической жизни; с большим трудом, подавляемые нередко произволом попечителей и чиновников их канцелярий, при бедных средствах и среди малокультурного крепостнического общества, в профессорской коллегии, наполовину нередко состоявшей из иностранцев, — медленно, но неуклонно — в тиши кабинетов и музеев вырабатывались основы русского университета. В это время шла глухая борьба за автономию, которая оставалась часто — но далеко не всегда — неисполняемым законом, хотя подтверждалась высочайше дарованными грамотами. Наконец в 1835 г. положение было изменено. Университеты получили новый устав, значительно сокративший автономию профессорской корпорации. Хотя права профессорской корпорации были по этому уставу больше, чем те, какими пользуются теперь профессора русских университетов (ректор и деканы были выборные), но по сравнению с 1804 г. автономия университета была уничтожена; Совет в текущей жизни был низведен в положение, аналогичное

современному, власть правления и положение инспекции — очень, правда, незначительной — сильно напоминают то, которое мы теперь видим по уставу 1884 г. Студенты значительно более подчинены были внешним формам академической жизни. Однако к этому времени уже сложилась русская университетская жизнь, выросло новое поколение профессоров, вошедшее в тесную связь с интеллигенцией Запада и отчасти получившее образование в Германии, стала подыматься научная работа университета и в научном труде находились точки опоры, совершенно независимые от внешних уставов и распоряжений. В то же самое время глубокие изменения происходили в жизни русского общества; они выразились в первом заметном приливе молодежи в университеты. По сравнению с фактическим — не юридическим — положением, устав 1835 г. дал удобную почву для развития университета: увеличение средств и увеличение кафедр, строгие рамки закона, положившие предел самовластию чиновников канцелярий, попечителей, некоторая доля обеспеченной независимости коллегий во внутренних делах — все это только развивало чувство академической жизни. В тогдашней безгласной России профессорская корпорация пользовалась даже значительными правами — выборными ректорами и деканами и в некоторых университетах, например Московском, фактически выборными профессорами. Так в эти годы (1835—1849) сложились русские университеты, оказали крупное влияние на рост русского общества — достаточно вспомнить Грановского — и смогли перенести разразившийся над ними в 1849 г. удар исключительных законов, снесших последние остатки самоуправления. Шесть тяжелых лет прошли над русскими университетами; второй раз подряд перед ними пронесся призрак уничтожения. Но в них уже научная жизнь не прерывалась и в эти годы и не стерлось стремление к автономии. С новым царствованием в 1855 г. рядом отдельных мер быстро были уничтожены все исключительные законы и университеты вернулись к уставу 1835 г., причем жизнь эпохи реформ фактически значительно расширила рамки закона, неуклонно возвращая университеты к грамотам 1804 г. Одновременно новый фактор в истории русских университетов — многочисленное студенчество — всюду вызвал к жизни в шестилетие 1855—1862 разнообразные формы и проявления студенческой общественной самодеятельности. Сложившиеся желания и стремления профессорских коллегий искали новые формы выражения; старые рамки авторитетного устава 1835 г. вполне не отвечали общественным потребностям, чувствовалась необходимость быстрых, решительных реформ

для избежания грозивших в противном случае беспорядков — и по инициативе Петербургского попечителя князя Щербатова в 1858 г. Совет Петербургского университета выработал проект нового устава. Это был второй пример такого обсуждения университетского устройства в истории русских университетов — первый пример был дан почти сто лет раньше, в 1765 г., Екатериной II в профессорской коллегии Московского университета. К сожалению, неизбежная и необходимая реформа не была своевременно проведена; формы академической жизни становились во все более резкое противоречие с духом времени, и в конце концов крупные студенческие беспорядки привели к явлениям, чрезвычайно напоминающим теперь нами переживаемое время. Беспорядки 1860—1861 гг. распространились на все университеты. Петербургский университет был закрыт. Невозможность существования университетов без коренного изменения чувствовалась всеми: опять выступали два течения — одно стояло за необходимость крутых мер или минимальных уступок требованиям времени, другие указывали на необходимость возврата к старинным основам русских университетов, к их автономии, на необходимость узаконить фактически сложившиеся в эти годы (1855—1861) и искавшие легального выхода проявления корпоративной жизни студенчества. Сперва победило первое течение; был выработан новый устав, введивший только немногие изменения против 1835 г. В таком положении застал дело новый министр народного просвещения А. В. Головнин. Он подверг выработанный в 1861 г. проект университетского устава широкому и свободному обсуждению в Советах и в факультетах университетов, в печати, в русском обществе, даже за границей, и как результат такого обсуждения 27 июня 1862 г. состоялось высочайшее повеление подвергнуть вновь переработке устав, приняв во внимание поступившие на него «Замечания». Эти «Замечания», своевременно напечатанные, представляют драгоценный памятник в истории русского университетского образования. Они сохранили свое значение до сих пор и являются для современной реформы материалом, заслуживающим полного внимания. Переработка проекта происходила в Ученом комитете, пополненном многими лицами, возражавшими на первоначальный проект. К концу года, к ноябрю, был выработан первоначальный проект университетской реформы, проект, восстанавливавший устав 1804 г., измененный согласно требованиям времени. Это первоначальный Головнинский проект 1862 г. был предварительно обсужден в особом Комитете под председательством графа Строганова, явившегося его горячим противником, и затем в Государственном

совете. В результате получился университетский устав 18 июня 1863 г., столь много сделавший для русских университетов, но, к сожалению, введший в их жизнь несколько условий, которые не дали установиться полному спокойствию. Восстановив потерянную в 1835 г. автономию Совета и дав самоуправление в духе устава 1804 г., устав 1863 г. в то же время сохранил параграфы, оставлявшие дискреционную власть и распоряжение в университете в руках попечителя. Этим создавалось двойственное положение, неизбежно приводившее к постоянным коллизиям и сильно способствовавшее, как оказалось, гибели устава 1863 г. В то же самое время этот устав резко стеснил прием сторонних слушателей, получивший в жизни университетов 1855—1862 гг. широкое и в общем очень важное для университетов развитие. Это отразилось, с одной стороны, на высшем женском образовании, заставило русских женщин стремиться в заграничные университеты, а с другой — привело к созданию неупругих ученических планов, укоренившихся, к сожалению, в русских университетах в связи с экзаменами и с другими их печальными последствиями во внутреннем быту. Наконец — создав корпорацию профессоров и дав им автономию, — он лишил студентов всякой легальной возможности проявить свое товарищеское чувство, вопреки установившемуся в течение семи лет обычаю и сложившимся привычкам, и поставил студентов в положение отдельных посетителей университета, всякая совместная деятельность которых являлась преступлением. Этим было создано положение, придававшее политическую окраску (борьбы против закона) всякому неизбежному в академической жизни проявлению чувства товарищества. В дальнейшей истории университетов повторявшиеся на этой почве студенческие беспорядки оказались губительными для самого существования автономии и привели в конце концов к уставу 1884 г. А между тем все эти условия отсутствовали в первоначальном Головинском проекте 1862 г. По этому проекту роль попечителя была точно и строго определена — как контролера министерства, следящего за исполнением закона университетскими органами, сейчас же прекращающего всякие его нарушения. Попечитель не был непосредственным начальником университета, таким являлся министр народного просвещения. Университетам давалась возможность широкого развития сторонних слушателей, чем ослаблялось действие ученических планов и вводилась столь тесно связанная с научным духом свобода учения. Наконец, Советы получали право легализовать те формы проявления студенческой корпорации, какие они находили нужным. Но

эти предположения не прошли в Строгановском комитете. Устав 1863 г. все же оказал огромное и плодотворное влияние на жизнь русских университетов. Он увеличил средства университетов, расширил их кафедры и в свободной автономии университетских Советов дал сильный толчок внутреннему развитию университета. Значение его для усиления научного движения в России признавали даже составители проекта 1884 г. К сожалению, неустойчивость положения университета сказалась почти тотчас же, как это предвидели многие защитники студенческой корпорации и полной университетской автономии еще при обсуждении устава. Уже в 1872 г. — после ряда частных распоряжений — состоялся общий опрос университетских Советов о выяснившихся недостатках устава 1863 г. в связи с внутренними коллизиями как в среде Советов, так главным образом с попечителями учебных округов. 23 декабря 1874 г. ввиду студенческих беспорядков, происходивших в ноябре и декабре 1874 г. в высших учебных заведениях Петербурга, состоялось особое совещание министров, принципиально решившее вопрос о необходимости уменьшения университетской автономии, увеличении попечительской власти, расширении инспекции и средств надзора за студентами. В это же время министром народного просвещения гр. Толстым была закончена реформа средних учебных заведений, при полном крушении которой мы теперь присутствуем, и была поставлена на очередь в том же бюрократическом духе реформа высшего образования [11]. В 1875 г. была образована комиссия для пересмотра университетского устава под председательством статс-секретаря Делянова, некоторые члены которой объехали университеты, опросили многих профессоров. Комиссия закончила свои работы в марте 1877 г. Материалы, ею собранные, отчасти были изданы и заключали немало любопытного: в них — ценные статистические данные, собранные за много лет, интересны многие впечатления и сведения из жизни университетов, — но пользование этими мнениями и фактами решительно невозможно; этот материал издан *анонимно*, из мнений и ответов не названных лиц приводятся одни отрывки, в нем масса предположений и впечатлений, догадок, подозрений, даже отголосков местных университетских дрызг, высказываемых как верные факты. Очень многие из них не могут быть проверены и, сверх всего, весь материал переработан составителями доклада комиссии. Надо ждать будущего полного издания протоколов и рукописного материала, собранного комиссией, которое, верно, откроет много любопытного и осветит многое неожиданно.

В 1879 г. проект устава был окончен, и 3 декабря 1879 г. состоялось высочайшее повеление о передаче его на рассмотрение Государственного совета. Но, помимо этого, гр. Толстой в виде временной меры провел через Комитет министров правила, совершенно изменявшие положение инспекции в университете и уничтожившие одним ударом некоторые стороны устава 1863 г.; они стали в резкое противоречие со всем его духом. Эти временные правила были утверждены 2 августа 1879 г. Инспекция была сильно увеличена по составу (почти вдвое), поставлена совершенно независимо от Совета, ректора или правления, вполне подчинена попечителю (при известном участии генерал-губернатора); в то же время были расширены ее функции: она должна была надзирать за студентами вне помещения университетов, приобрела широкие права по распределению пособий и стипендий.

6 февраля Проект общего устава был внесен в Государственный совет; но происшедшая вскоре (в апреле) смена министра — назначение министром статс-секретаря Сабурова — вызвала возвращение этого проекта назад в министерство согласно установившемуся в Государственном совете обычаю. В то же время фактически прекратилось применение временной меры 2 августа 1879 г. В 1880 г. министр народного просвещения получил приказание государя императора Александра II не вносить общий пересмотр устава, а предлагать на рассмотрение Государственного совета необходимые в университетском быту изменения по частям. Казалось, надвигающаяся реформа гр. Толстого миновала университеты.

В 1881 г. в Государственном совете рассматривалось поставленное на первую очередь изменение статей устава об инспекции, приведшее 26 мая 1881 г. к отмене постановления Комитета министров от 2 августа 1879 г., восстановившее старый порядок в положении и функциях инспекции, но сохранившее введенное в 1879 г. значительное увеличение ее числа.

Приостановившаяся, однако, реформа устава через некоторое время вновь была выдвинута. 30 ноября 1882 г. министр народного просвещения гр. Делянов вновь внес в Государственный совет старый проект гр. Толстого без всяких изменений, кроме тех, которые стали неизбежны вследствие закона 26 мая 1881 г. и вызванного им некоторого расширения власти и значения ректора. Перед этим по инициативе бывшего министра народного просвещения барона Николаи проект обсуждался в Советах университетов, но эти новые сведения никакого влияния не оказали, остались без движения. Государственный совет рассматривал проект, составленный в 1879 г., в 1884 г.,

все сведения и данные о положении университетов, представленные гр. Деляновым, относились к еще более старому времени — к 1874—1877 гг. А между тем годы с 1874—1884 были временем живого и сильного развития университетов и науки в России, и положение университетских дел в 1884 г. было иное, чем в 1877 г. Все делалось под покровом канцелярской тайны и стояло в резком противоречии с тем, как вырабатывался устав 1863 г. Государственный совет внимательно рассмотрел проект при участии члена Совета А. В. Головнина. Как известно, проект встретил в нем сильную — и как теперь оказывается, — вполне основательную критику, не получив большинства ни в департаментах, ни в общем собрании. Но в жизнь вошли не мнения Государственного совета, а мало измененный проект гр. Толстого — 13 августа 1884 г., — составляющий вместе с тесно с ним связанной гимназической реформой самый яркий образчик его государственной деятельности. Во время обсуждения проекта в Государственном совете по инициативе гр. Толстого было введено одно изменение, которое отсутствовало или не было ясно выражено в проекте 1879—1882 гг.: ректор и деканы, согласно мнению некоторых членов Государственного совета, перестали быть выборными и министр народного просвещения получил право назначать их по своему усмотрению. Этим вводился совершенно новый, неизвестный в 129-летней истории русских университетов принцип: деканы искони были выборными, ректор не был выборным лишь изредка — первое время Московского университета (назначенный ректор), во времена Магницкого и Рунича, в период 1849—1855 гг. ... Защищая эту меру против большинства Государственного совета, гр. Делянов видел в ней главную причину всех университетских неурядиц и волнений. Он говорил: «Корень всего этого зла заключается в том, что правительство совершенно устранило себя от учебного дела в университетах и предоставило его личному произволу профессоров, столь же произвольному усмотрению факультетских собраний и университетского Совета и существовавшему лишь на бумаге наблюдению ректора и деканов, которые, как выборные от профессоров должностные лица, никоим образом не могли наблюдать за их деятельностью с каким-либо начальническим авторитетом. Вследствие такого самоустранения правительства от учебного дела университетов один произвол профессорский неминуемо должен был вызвать другой произвол, студентский, в грубейшей форме шумных демонстраций, сходов, угроз и запугиваний»... Известно, как жестоко жизнь разбила это убеждение. Но та же самая неумолимая и могучая

жизнь живого государственного тела разбила и все другие предназначения составителей устава 1884 г.

2

В реформе 1884 г. выразились стремления разного характера: с одной стороны, в нее вошли постановления, вызванные чисто учебными целями и взглядами, с другой — решения, исходящие из соображений политических или государственных. Конечно, и эти последние должны отражаться на постановке преподавания и на всем строе университетов; но их значение с точки зрения образовательной или учебно-научной может быть только отрицательным или, в лучшем случае, безразличным. Университеты могут мириться с ними как с вызванными высшими соображениями государственной пользы и терпеть неизбежное, иногда тяжелое их влияние — они, однако, не вытекают из нужд или потребностей университетов, вызываются внешними им обстоятельствами и, очевидно, могут иметь в их строе и жизни только временный, преходящий характер. В тех случаях, когда они широко проникают все стороны жизни университетов, начинают преобладать в его установлениях и вместо мер против острой нужды становятся хроническими, — их развитие оказывается для университетов пагубным. Мы не раз видим в истории аналогичных западноевропейских учреждений, как падали и замирали от этих причин некогда мощные и живые университетские организации. Достаточно вспомнить историю университетов Испании, германских университетов в 16 и до середины 18 столетия, австрийских — до конца 18 в., итальянских — до середины 19 в., французских — до времен Дюрюи и 1885 г.

Со времени устава 1884 г. прошло 17 лет — период, достаточный даже в вековой жизни университета для оценки реформы и для полного о ней суждения; в этот долгий период времени, очевидно, должно было отпасть все то, чему по самой сути вещей, может быть только временное место в организации университета, и должно было сохраниться все то, что является коренным и основным, тесно связанным с правильным функционированием учреждения, с правильным биением его жизни. Прошел достаточный период времени, чтобы отпали и сгладились все неизбежные при начале всякой реформы, при всяком новом устройстве шероховатости и ненормальности и чтобы было достигнуто ровное и спокойное течение жизни.

И вот в эти 17 лет не осталось живым почти ничего из постановлений учебного характера, внесенных в университетский строй реформой 1884 г. От них сохранились лишь имя и форма без содержания. Они исчезли без всякого изменения устава законодательным путем, простым давлением жизни, постепенно отменялись ввиду необходимости учить и невозможности это исполнить распоряжениями и разъяснениями тех самых лиц, которые их вводили и которые выставляли их в течение долгих лет — с 1875 по 1884 г., — как результат внимательного, разностороннего изучения и обдумывания университетской жизни. А между тем это были только абстрактные, далекие от академической жизни вообще и от условий русской действительности решения, которые разлетелись и исчезли при первом столкновении с жизнью. В учебном отношении реформа 1884 г. вводила в жизнь русских университетов следующие новые явления.

1. Семестральный порядок лекций и уничтожение курсов. Этот порядок подымался еще в 1862 г. при обсуждении университетского устава, подвергся тогда вполне правильной критике и не был введен. Он принят по типу германских университетов, где, однако, приноровлен к совершенно иному распределению занятий и вакансий в среднеучебных заведениях и университетах. Огромное — неизвестное на Западе — количество праздников и восстановившиеся экзамены сделали деление на семестры почти не существующим. Оба семестра явились несоизмеримыми, второй оказался слишком кратким. Вначале деление на семестры проводилось в жизнь чаще, но им вносилась только путаница в чтение лекций.

2. В связи с семестрами были введены *зачеты семестров*. После 17 лет, однако, не выработалось никакой ясной и точной нормы этих зачетов. Они производятся всюду различно и в конце концов большей частью сошли на письменное удостоверение посещения и исполнения практических занятий — того, что было и при уставе 1863 г. В иных же случаях они приобрели чисто формальный характер. Первое время применение их было иное и весь смысл заключался в замене ими университетских испытаний при существовании государственных экзаменов. Но в жизнь вошли государственные экзамены только по названию и этим самым было уничтожено всякое учебное значение зачетов.

3. По уставу 1884 г. университет не делал экзаменов своим слушателям, они должны были производиться *особенными государственными комиссиями*. По идее и по мотивам, выставленным составителями проекта, эти комиссии не

должны были состоять из преподавателей, так как они должны были их контролировать. На осуществление этой задачи были истрачены — совершенно не достигши цели — миллионы рублей из средств государства и частных лиц. По идее эти комиссии должны были производиться раз в год и в течение прохождения курса академическая жизнь должна была регулироваться главным образом семестральными зачетами. Очень быстро жизнь обратила эти государственные экзамены в фикцию. Часть их перешла в университеты, и некоторые факультеты целиком вернулись к прежней курсовой системе экзаменов, они производятся преподавателями и *de facto* находятся в тесной связи с читаемым курсом. Наконец так называемые «Государственные комиссии» превратились в окончательные университетские испытания и фактически ничем не отличаются от прежних университетских экзаменов, крайняя неудовлетворительность которых ясно сознавалась и выставлялась еще в 1880 г. министром народного просвещения. С точки зрения учебной от этой реформы сохранилось только одно имя, не отвечающее действительности; все это ясно понимали противники этой меры при обсуждении устава 1884 г., и предвидения большинства членов Государственного совета, высказанные в 1884 г., вполне оправдались жизнью.

4. Вводя программу экзаменов, составители устава выставляли этим неизбежность контроля над читаемыми в университете курсами для достижения полноты, цельности и последовательности в изложении лекций. Преподаватели должны были прочитывать весь курс согласно установленному в программе экзаменов минимуму. В действительности этот порядок вещей не противоречит и уставу 1863 г., и на некоторых факультетах (например, на физико-математическом и медицинском) никакого изменения не произошло по сравнению с прежним учебным строем. Программа устава 1884 г., проведенная законодательным путем, на историко-филологическом факультете при ее применении в действительности чуть было не послужила к его гибели и была изменена распоряжениями министра народного просвещения и, в общем, возвращена к старому в первые же годы применения устава. Но очень скоро оказалось, что университетские курсы *вообще* не могут быть приноровлены к официальным программам экзаменов. В программы некоторых предметов были введены ошибки и совершенно неверные гипотезы. В течение 17 лет они не подверглись на некоторых факультетах (например, на естественном отделении) никаким изменениям и, очевидно, стали очень скоро в резкое и далеко не желательное в педагогическом отношении противоречие с читаемыми в

университете научными курсами. С 1884—1901 гг. наблюдаются быстрый рост и изменение в материале и в воззрениях научной области. Нельзя в 1901 г. читать научный курс по программе, составленной в 1884 г., тем более если программа 1884 г., составленная канцелярским способом, была далека от тогдашнего уровня науки, как это наблюдалось по некоторым предметам.

5. Наконец, устав 1884 г. вводил *гонорарную* систему и громко провозгласил введение академической *свободы слушания* лекций. В действительности такая свобода существовала в русских университетах с 1855—1863 гг., предполагалась по Головинскому проекту 1862 г. и в гораздо большей степени действовала после 1863 г., чем после 1884 г. И гонорарная система очень скоро обратилась не в то, что она представляла по идее. Вместо возможности выбора преподавателя она, при обязательности курса, получила значение только как средство более строго надзора за посещением студентом только тех лекций, на которые он подписался. Этим создался порядок университетских занятий, совершенно противоречащий проектам министерства и всей вековой традиции русских университетов. В учебном отношении такой порядок был только вреден для умственного и духовного развития юношества. В разных университетах он вошел в жизнь в различной степени и, к сожалению, наиболее строго в нашем.

Таким образом, из введенных в 1884 г. изменений учебного характера *ничто не привилось в жизни*. Жизнь вернулась более или менее к рамкам, сложившимся в университетах до «нового устава». Нередко приходится слышать о влиянии новой реформы на происшедшее расширение практических занятий и семинарий и на развитие института приват-доцентов. В действительности они тесно связаны с уставом 1863 г., и реформа 1884 г. только не прервала начавшегося развития этой стороны университетской жизни. При обсуждении устава 1884 г. много выставлялось значение института приват-доцентов, но, в общем, в это время он был уже у нас сложившимся явлением, по крайней мере в больших университетах, например в Петербургском. Особые указания на него в мотивах к реформе 1884 г. явились следствием того, что проект ее выработывался на основании сведений, собранных в 1875 г., а рост института приват-доцентов стал на прочную почву в конце 1870-х гг. в связи с увеличением количества студентов и ростом контингента деятелей науки в России.

Точно то же надо сказать и об организации практических занятий. Мы видим их широкое и плодотворное развитие в университетах, но практические

занятия и семинарии на историко-филологическом, физико-математическом и медицинском факультетах — создание устава 1863 г. Если они развились за последние 20 лет, то только под влиянием увеличения специальных средств университета благодаря наплыву студентов. На историко-филологическом факультете устав 1884 г. вначале даже понизил семинарский характер работы. Наконец, на юридическом факультете только теперь начинаются попытки «практических занятий» в широком развитии и, очевидно, не стоят в связи с уставом.

В то же время устав 1884 г. надолго затормозил совершенно неизбежное расширение преподавания — в смысле создания новых кафедр, институтов и делений факультетов. Все поднятые жизнью и выдвинутые университетами в период 1863—1884 гг. желания были оставлены без внимания при выработке устава 1884 г. Составители устава 1884 г. находили, что уже устав 1863 г. расширил преподавание «не довольно соразмерно с наличными силами». Однако они не сочли нужным «останавливать это расширение», но они считали, что только необходимо «направить внимание на распространение образования не только вширь через обилие второстепенного, а на углубление его и сосредоточение на отделах первостепенной важности». В 1884 г. гр. Делянов защищал ту же точку зрения. В ответе на возражения министра финансов ген[ерал]-ад[ъютанта] Грейга, он говорит: «Состоявшими при Комиссии по пересмотру университетского устава Комитетами по отдельным факультетам, главнейшими из университетских ректоров и наличных профессоров предположено было для обеспечения надлежащей полноты преподавания значительно большее число профессоров, и уже самое министерство ограничило оное таким составом, который нельзя не признать безусловно необходимым». Выработано Комиссией (в 1875—1877 гг.) — 106 профессоров на университет, министерство (в 1884 г.) нашло возможным ограничиться 70. В числе немногих поправок, внесение коих выпало на долю Государственного совета при обсуждении устава гр. Толстого, стоит учреждение кафедры географии; поддержанное до известной степени Государственным советом давнишнее желание университетов об образовании кафедры физиологии не осуществлено до сих пор и т. д. Все учебно-вспомогательные институты и лаборатории, бедность которых ясно была высказана еще в отзывах Советов в 1872 г., до сих пор остались на прежнем положении. Если в действительности средства их увеличились, создались даже новые институты и кафедры, то только благодаря увеличению количества

студентов и вызванному тем увеличению специальных средств университетов. Устав 1884 г. задержал почти на 20 лет неизбежное расширение преподавания, и мы теперь стоим перед неотложностью ожидаемой в течение 40 лет реформы.

Точно так же оказались задержанными и не принятыми во внимание вызванные учебными потребностями деления факультетов на новые отделения; устав 1884 г. даже уничтожил существовавшие, например физико-химическое отделение (в Харьковском университете). Теперь приходится его восстанавливать.

Из всего сказанного видно, как слабо и бледно благотворное влияние нововведений учебного характера, внесенных в университетскую жизнь уставом 1884 г. Некоторым из положенных в его основу мыслям нельзя отказать в полезности или правильности (например, об исключении экзаменов из университетов, о свободе учения и т. д.), но они приняли форму, которая совершенно не соответствовала русским условиям или приводила к результатам, диаметрально противоположным желаниям и надеждам законодателя. Ту же самую черту видим мы и в другой реформе гр. Толстого — в гимназической.

Гораздо более сильно — и более бедственно — отразился на русских университетах ряд нововведений устава 1884 г., вызванных *соображениями политическими* или государственными.

Очевидно, в строе университета эти соображения должны всегда стоять на втором плане; они без вреда могут преобладать лишь недолгое время. Они являются средствами подавления острых проявлений общественной жизни — беспорядков, волнений. Немыслим — без вреда для государства — такой порядок, при котором волнения и беспорядки и острые меры к их подавлению принимают характер нормального, обычного положения вещей. А между тем как раз такой порядок создан в русских университетах уставом 1884 г. и его последующим развитием. Целесообразность таких мер могла бы оправдываться единственно их быстрой удачей, их ошибочность и вред становятся ясными, когда они не достигают поставленной определенной цели или делают острую беду хронической. В таком случае эти меры могут сделаться таким же бедствием, как и вызвавшие их беспорядки и неустройства.

17 лет — достаточный период для суждения. Между тем все принятые решительные меры полицейского или политического характера в эти 17 лет не могли достигнуть какого бы то ни было — иногда даже внешнего — порядка в университете. Напротив, по мере их постоянного усиления и роста мы видим

усиление и рост волнений, беспорядков, неладов, которые требуют их нового проявления и т. д. Получается заколдованный круг. Главным выражением неустройства в университетских делах явились студенческие волнения. Во взгляде на их причины и на меры к их устранению составители устава придерживались, в общем, принципов, выработанных Совещением министров 23 декабря 1874 г., развивая более определенно и полно некоторые из предложенных мер. По взгляду, проводившемуся с того времени, причина беспорядков и нестроений заключалась: 1) в излишней независимости профессорских коллегий и в недостаточной власти министра в управлении университетом, 2) в недостаточном установлении и охранении дисциплинарного строя в университетах, 3) в переполнении университетов малоподготовленными и не обладающими достаточными средствами студентами, 4) в плохой постановке учебного дела автономными коллегиями. Министерство старалось создать порядок в университетах, при котором отражения брожений в русском обществе не прервали бы правильного хода университетской жизни. Создать такой порядок всеми принятыми мерами не удалось. Напротив, университетский строй оказался ими совсем расшатанным, вследствие беспорядков правильная работа в университете прерывалась в течение месяцев. В то же время суровость мер все увеличивалась и их влияние на университетскую жизнь становилось преобладающим. Ввиду этого крайне важно выяснить их значение с точки зрения академического строя.

1) Меры по отношению к профессорской коллегии.

Как было уже указано, профессора после 1884 г. стали в университете в положение, которое имеет аналогию только с 1849—1855 гг. Они не сохранили никаких следов автономии; всякое значение Совета в университетской жизни исчезло, и профессора очутились в университете в положении отдельных преподавателей, чуждых и сторонних по закону и практике университетской жизни. Вековое пользование автономией, которой они вдруг лишились без определенной вины со своей стороны, не могло, конечно, способствовать распространению в среде их довольства новым уставом и необходимого в жизни спокойствия. Это сознавали и авторы устава 1884 г. Они, с одной стороны, улучшили материальное положение профессоров, а с другой — хотели предоставить министру народного просвещения право назначать профессорами людей, не имеющих научного звания и ученых степеней, но пробывших известное число лет учителями гимназий. Последняя мера не прошла в Государственном совете. Во многих случаях новый порядок был

связан с целой массой мелких и крупных незаслуженных оскорблений для профессоров, был не один случай столь редких в других ведомствах и столь тягостных примеров увольнений по третьему пункту, причем виновные не могли даже узнать своей вины. Абстрактно проведенная реформа, лишившая университеты веками установленного порядка, не опиралась ни на какие строго определенные факты, которые бы ее вызывали. Нельзя счесть ими впечатления, вынесенные Комиссией 1875 г., и Министерство народного просвещения их не выдвигало. Гр. Толстой в 1882 г. выражал лишь свое общее впечатление, что при установившихся в университетах порядках «в университетских коллегиях воспитывалось настроение, явно враждебное всякому воздействию не только попечителей учебных округов, но даже и министра народного просвещения на дела университета; и вырабатывалось убеждение, что распоряжения центральной власти в этой области составляют нарушение основных начал университетского устава и должны вызывать противодействие со стороны Совета». С другой стороны, вводя реформу, составители проекта сознавали, что университетские коллегии «относятся, по-видимому, не вполне сочувственно к некоторым из проектированных Министерством народного просвещения мер и могли оказать косвенное противодействие». Наконец, необходимость уничтожения автономии университетской коллегии и назначения профессоров без предварительного выбора в значительной степени выводилась чисто отвлеченным, логическим путем из необходимости создания порядка, при котором «начальническая власть» министра не была бы уменьшена, а была бы увеличена. Увеличение же ее желательно и нужно для лучшей постановки дела. Для этой цели был энергично сломан вековой порядок, внезапно отстранены от участия в деле, в которое они вложили всю свою жизнь, сотни людей, не была дана им возможность даже защититься от явно и резко выраженных недоверия и осуждения их жизненной работы, исполнения ими своего долга. Нравственно профессора были разбиты реформой 1884 г., в конце концов созданся тяжелый, давящий порядок университетской жизни; через 17 лет устав 1884 г. остался в сознании новым, чуждым академической жизни. Только любовь к делу, единственная возможность в жизни всезахватывающей научной работы, вера в невозможность бесконечного продолжения неустойчивого положения удерживало и удерживают многих преподавателей в тяжелой, гнетущей атмосфере русского университета. Такое чувство профессоров проявилось ясно в том, что во всех университетах почти единогласно Советы высказались за необходимость восстановить профессорскую автономию и права ее

самопополнения. Не политическое, а академическое значение такого решения ясно уже из того, что за него высказываются люди самых разнообразных и противоположных мнений, взглядов и направлений.

Не касаясь других сторон университетской жизни, необходимо обратить внимание на положение, созданное новым порядком в университетском строе. Поставив профессоров как сторонних лиц в университете, ясно и резко выразив недоверие исполнению ими своего дела, министерство потеряло всякую возможность влияния на студентов; фактически профессора, если они почему бы то ни было дорожили своим пребыванием в университете, были вынуждены держать себя в стороне от текущей университетской жизни. А между тем жизнь нередко заставляла искать такого влияния, особенно после того, как студенчество оказалось более или менее организованным. Попытки в нужных случаях гальванизировать труп Совета, держа его строго в рамках устава 1884 г., были так же малоудачны, как малоуспешны были действия Советов по уставу 1835 г. при аналогичных обстоятельствах. Поневоле пришлось пытаться создать новую силу в университете, которая могла бы заменить для министерства в этом отношении разрушенную профессорскую коллегия. Эту силу думали найти в создании последних лет жизни университетов, в так называемом «институте инспекции».

2) Создание института инспекции.

Инспекция разрасталась в университете постепенно, поглотила миллионы рублей государственных и университетских денег; ее содержание ежегодно стоит около 200 тыс. руб., считая пенсии, квартиры натурой и т. п. расходы. Главная цель ее — поддержание порядка среди студентов; эту цель она оказалась совершенно не в состоянии выполнить. Печальные события последних лет выяснили это с безусловною убедительностью. «Институт инспекции» совершенно неизвестен в университетах Запада и стоит в резком противоречии с основами и идеалами университетского строя.

Инспекция развилась у нас постепенно, название инспектора появилось в уставе 1804 г. — это был выборный профессор, имевший дело со студентами, живущими в общежитии. Только в 1835 г. появился инспектор из посторонних лиц, но до 1849 г. его влияние в университетской жизни было второстепенное, хотя уже тогда отношение к инспекции среди студентов стало резко враждебным. По уставу 1863 г. инспекция, в общем, вернулась к порядку 1835 г., но с полным подчинением ее Совету и с правом университета сохранить главное руководство дисциплинарным порядком в руках своих

членов (выборный проректор). Первое крупное изменение произошло в 1879 г. в указанной выше мере гр. Толстого; тогда инспекция всецело подчинена была попечителю, были расширены ее состав и функции. Такой порядок продержался около года. В 1881 г. вернулись к прежнему положению, а в 1884 г. с некоторыми изменениями восстановлена мера 1879 г. Положение инспекции теперь двойственное: она подчинена непосредственно попечителю, но и ректор имеет на нее известное влияние. Чрезвычайно вредно отразилось то, что инспектор есть в то же время член Правления [12]. Фактически он явился судьей в своих делах и ошибках. Это, несомненно, много способствовало тому падению авторитета Правления университета, которое, к сожалению, так заметно в эти последние года. С 1884 г. количество и качество инспекции все увеличивалось, в русских университетах появились педеля, фактически не изменившие своего положения, несмотря на высказанные в 1899 г. официальные указания их деятельности. В 1899 г. происходит дальнейшее значительное расширение состава инспекции.

В то же самое время — при недоверии к профессорам, которым проникнут устав 1884 г. и его применение в жизни — на инспекцию возложено нравственное и умственное влияние на студентов, т. е. та функция, которая по самому своему духу есть прямая обязанность профессоров, которую они ни с кем никогда в стенах университета делить не могут. В университете должен быть посредствующий орган между министерством и студентами; уничтожив этот орган в лице профессоров, жизнь заставила его искать в «институте инспекции». Очевидно, с учебной точки зрения и с точки зрения авторитета власти, такое выдвигание «института», по характеру имеющего чисто полицейские функции, в университетском строе не могущего обладать авторитетом знания и вполне бюрократического по устройству, как руководителя молодежи является фантастическим. Никогда этим путем не может быть достигнуто спокойствие. Такой «институт», стоящий в резком противоречии с идеалами и традициями университета, научного преподавания и студенчества может только вызвать (и вызывает) столкновения и беспорядки в университете. Достаточно слышать, как студенты отзываются об инспекции и как чины инспекции отзываются о студентах. В конце концов студент стал вполне в бесправное и поднадзорное положение в университете. Раздраженные мелкими постоянными столкновениями, целыми днями сидящие в университете без дела, чины инспекции ставят в ложное положение авторитет власти и теряют — при первой неловкости — последние следы уважения со

стороны студентов. Никакая организация студенчества невозможна при их современном положении в университете.

3) Меры против переполнения университетов.

Наконец, третью категорию мер политического характера внес устав 1884 г. в отношении к переполнению университетов. Это действительно один из крупных и очень коренных недостатков современного университетского положения. Единственным из него выходом является открытие новых университетов, так как стремление к образованию есть проявление правильного, жизненно важного роста русского общества. Все меры, которые были направлены к прекращению переполнения в 1884 г. и позже, имели, однако, главным образом целью прекратить доступ более бедной части студенчества. Комиссия 1875 г. пришла к заключению, что эта более бедная часть студенчества является главным очагом волнений и понижает культурный и умственный уровень студенчества, и этот взгляд проводился и во время обсуждения реформы 1884 г. В общем, все эти меры не имели успеха для той цели, для которой делались, так как встретились с чисто житейскими обстоятельствами, неуклонно их уничтожавшими. Такими обстоятельствами были: 1) увеличивающееся число лиц, кончающих гимназии; вновь открываемые высшие технические учебные заведения не оказывались достаточными; очевидно, это число должно увеличиваться и впредь, так как стремление к образованию неудержимо захватывает все более и более глубокие круги русского общества, а количество гимназий было искусственно задержано последние 20 лет; 2) самодеятельность студентов и русского общества, почти совершенно парализовавшая некоторые меры (например, плату за слушание лекций); 3) финансовые интересы университетов, самое правильное функционирование преподавания в которых тесно связано со специальными средствами, т. е. с количеством студентов.

Меры, которые принимались в этом отношении, заключались:

1. *В увеличении платы за слушание лекций.* Несомненно, плата за слушание лекций, увеличенная в 1885 г. вдвое, явилась чрезвычайно тяжелой для русского студента. В действительности почти вся надбавка (т. е. гонорар профессором) вносится благотворительными сборами, т. е. русским обществом. Эта мера не уменьшила количества студентов, тесно связана с массой страданий, беспокойств и далеко не способствует правильному и свободному функционированию университетской жизни. Времена перед последним сроком уплаты — самые тяжелые и мучительные времена в академической жизни.

Нельзя, однако, не признать, что только увеличение количества студентов благодаря увеличению специальных средств (т. е. платы со студентов) помогли университетам перенести тяжелые года с 1884 г., так как позволили организовать широко институты и практические занятия.

2. *Затруднения в доступе* в университет из среднеучебных заведений — путем монополии классических гимназий, лучшей подготовкой гимназистов, большей строгостью экзаменов на аттестат зрелости. Происходящая теперь реформа среднеучебных заведений является лучшей оценкой этого явления в русской жизни. Проектированное составителями устава 1884 г. требование залогов с поступающих в университет или доказательств их платежной способности не прошло в Государственном совете. Организация интернатов получила иной характер — благотворительный — чем тот, который сперва предполагался.

3. *Территориальность университетов по округам* [13]. Мера эта, введенная в виде временной в 1899 г. покойным министром Н. П. Боголеповым, вероятно, сохранит ненадолго свое значение, так как, могущественно способствуя областной обособленности, она стоит в резком противоречии со всей государственной политикой России. Очевидно, с академической точки зрения такая мера не может иметь за себя данных.

Из всего изложенного ясно, что меры политического характера, введенные в 1884 г., не достигли своей прямой цели, не создали порядка в университете, но в то же время внесли глубокие изменения в университетский строй, совершенно расстроили спокойствие и правильный ход университетских занятий. Они создали и поддерживают положение, при котором в университетскую жизнь постоянно вносятся различные столкновения и нет в ней ни малейшей устойчивости, этого столь необходимого и основного элемента нормальной жизни учебного и ученого учреждения. Все в ней основано на применении силы распорядительной власти: но такая сила может иногда подавить и не допустить *проявления* беспорядка, она не в состоянии, однако, не допустить *зарождения* волнения, не в состоянии внести внутренний порядок. В университете она всегда будет силой *внешней*; внутренний порядок в университете основывается лишь на согласии форм его жизни с его идеалами, традициями и целями.

3

Из этого краткого очерка истории и современного порядка в университете нетрудно сделать выводы об основах и характере необходимой реформы. Для достижения прочного порядка и правильных норм развития, устойчивости в университетской жизни необходимо ввести в нее те идеалы, которые временами принимали форму закона и которые *никогда* не переставали жить в сознании и желаниях русского университетского гражданина. К ним стремились всегда, и глухая борьба в них или сдерживаемое к ним стремление всегда были и будут. Эти основные принципы выражены в уставе 1804 г., в первоначальном проекте устава 1862 г. К ним, конечно, необходимы изменения и развития, вызванные жизнью, но эти изменения не касаются основных принципов.

В немногих положениях необходимые реформы могут быть сформулированы так.

1. Полная автономия университетской профессорской корпорации, представленной Советом университета. Правление и другие хозяйственные комитеты являются его исполнительными органами, дающими ему отчет и им выбираются. Совет выбирает ректора, деканов, профессоров и представляет их на утверждение министра народного просвещения. Совету предоставлено право утверждения университетской сметы и ревизии ее исполнения.

2. Университет непосредственно подчинен министру народного просвещения, который является его начальником. Власть попечителя должна быть строго определена, и он лишь следит за нарушением закона университетскими властями. Всякое незаконное восстановление он временно останавливает, представляя дело на окончательное решение министра народного просвещения.

3. Институту инспекции нет места в университетской жизни. Он должен быть уничтожен. Надзор за порядком должен быть предоставлен выборному из профессоров проректору, университетскому суду и студенческой корпорации. Внешний порядок подлежит охране эскутора университета.

4. Плата за слушание лекций должна быть понижена, и студенты должны получать право свободного посещения всех лекций. Характер проверки знания и выработка программ преподавания составляют дело факультетов под высшим надзором Советов. Государственные экзамены должны стоять вне университетов. Их сохранение желательно, так как они представляют

единственную форму действительного и прочного контроля Министерства народного просвещения над преподаванием без нарушения и постоянных столкновений с университетской автономией.

5. Доступ в университет должен быть расширен, но университетам предоставлено право ставить свои требования для приема. Широкое допущение посторонних слушателей крайне важно. Университет не должен давать никаких прав и дает только ученую степень — кандидата, магистра, доктора. Эти степени необходимы для замещения всех университетских должностей.

6. Студенческая корпорация должна быть признана. Участие в ней студента должно быть его правом и обязанностью. Наиболее удобной является курсовая организация. Должны быть выработаны правила, предоставляющие студентам право образовывать другие формы студенческих товариществ.

7. Средства университета должны быть расширены и введены новые штаты. Гонорар должен быть уничтожен, но содержание профессоров и университетских служащих увеличено согласно требованиям современной жизни. Количество кафедр и их средства должны быть приведены в соотношение с современным уровнем науки.

29 июля 1901

Примечания

1. Сходки студентов полиция разогнала в Киевском, Московском, Петербургском университетах, арестовала их участников. Студенты, в свою очередь, заявили о недопустимости введения полиции в здания университетов и в знак протеста прибегли к забастовке. 29 июля 1899 г. царь издал указ об отдаче студентов в солдаты за участие «скопом в беспорядках». Одновременно последовали увольнения многих свободомыслящих профессоров. В своем дневнике 28 августа 1899 г. В. И. Вернадский писал: «Из Московского университета удален Гамбаров. Ходили и ходят определенные слухи об удалении и мерах против других профессоров (называли и называют: Умова, Зелинского, меня, Тимирязева)... Говорят, "предназначено" к увольнению 22 профессора»⁴. В Петербурге был уволен друг В. И. Вернадского, профессор истории И. М. Гревс. Создавшуюся атмосферу характеризует запись

⁴ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 167

В. И. Вернадского в дневнике: «Вчера видел Гамбарова [уволенного профессора]. Единственной причиной, выставляемой против него, — его образ мыслей, несогласный с образом мыслей министерства. Выгонять человека из-за "образа мыслей" — верх цинизма... Конечно, приятно было уйти отсюда, но бросать самому научную работу в избранной области — для меня очень тяжелая жертва... Но, очевидно, положение профессора непрочно и надо искать соответствующей должности, где была бы под рукой лаборатория»⁵.

5 (18) декабря 1900 г. произошло столкновение студентов Киевского университета с полицией и введенными войсками. За участие в «беспорядках» были отданы в солдаты 183 студента, что вызвало взрыв негодования во всех университетах страны. На митинге в Московском университете была принята резолюция протеста. Университетские власти вызвали войска, студентов препровождают в здание Манежа, а затем в Бутырскую тюрьму. Началось следствие. 14 февраля 1901 г. во время приема просителей в здании Министерства народного просвещения в Петербурге мещанин П. Карпович выстрелом из револьвера смертельно ранил министра Н. П. Боголепова. Он скончался 2 марта 1901 г.

2. Речь идет о циркуляре министра П. С. Ванновского. См. выше.

3. Устав 1863 г., утвержденный Александром II 18 июня 1863 г., на гребне либеральных реформ того времени, ввел частичную автономию университетов. Об истории создания и прохождении устава см.: *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX в. М.: Наука, 1993. 272 с.

4. В декабре 1765 г. по указанию Екатерины II профессора Московского университета А. А. Барсов, И. М. Шаден и другие составили записку: «Мнение об учреждении и содержании университета и гимназии в Москве», в которой содержалась программа университетской автономии. Записке не был дан ход, и новый устав университета не был утвержден⁶.

5. Об истории создания и о судьбе университетского устава 1884 г. см. также: *Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1876 г. М.: Наука, 1976. 230 с.

6. Имеется в виду Киевская Духовная академия — одно из первых высших учебных заведений в России. Возникла на базе Киевской Братской

⁵ Там же. С. 167—168.

⁶ См.: Университет для России: Московский Университет в александровскую эпоху. М.: Русское слово, 1997. С. 79—80.

школы (1615 г.), в 1631 г. была объединена с Лаврской школой; названа Киево-Могилянской в честь ее протектора, митрополита Петра Могилы. В 1701 г. по указу Петра I получила титул и права академии. Курс обучения составлял 12 лет. В XVII—XVIII вв. стала одним из первых центров славянской философской мысли. Способствовала становлению украинского литературного языка. В разные годы в ней обучались от 500 до 2000 студентов. Открывала коллегииумы в других городах. Была закрыта в 1817 г., а в 1819 г. преобразована в Киевскую Духовную академию.

7. Слободской Украиной (Слобожанщиной) в XVII—XVIII вв. называлась левобережная ее часть с центром в Харькове. Харьковская губерния была образована в 1835 г.

8. Харьковский коллегиум был открыт в 1727 г. по образцу Киево-Могилянской академии. Преподавались грамматика, риторика, политика, философия. В 1765 г. открылись дополнительные классы для преподавания русского и новых иностранных языков, математики, архитектуры, артиллерии с геодезией, физики, рисования. В 1773 г. классы выделились в особое казенное училище, которое до XIX в. было центром просвещения для всей Слободской Украины. После открытия Харьковского университета в 1805 г. Коллегиум стал чисто профессиональным учебным заведением.

9. Дерптский университет основан в 1802 г., в 1893—1918 гг. именовался Юрьевским, затем Тартуским. Его предшественником была шведская Академия Густавиана (1632—1665 гг. и 1680—1710 гг.), Або — шведское название финского города Турку.

10. Известный своей борьбой с вольномыслием попечитель Петербургского учебного округа 1820-х гг. Д. П. Рунич представил Главному управлению училищ записку, в которой писал, что «философские и исторические науки преподаются в университете противно христианству и в умы студентов вкореняются идеи, разрушительные для общественного порядка и благосостояния». Он организовал университетский суд над несколькими профессорами по обвинению в «якобинизме и атеизме» и добился их увольнения из Петербургского университета.

М. Л. Магницкий — помощник министра духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицына, известного своим мистицизмом и обскурантизмом. В 1819 г. проводил ревизию Казанского университета, в результате которой 11 профессоров были уволены по обвинению в

неблагонадежности, а сам он был назначен попечителем Казанского учебного округа.

11. В. И. Вернадский, глубоко интересовавшийся постановкой образования и в начальных, и в средних учебных заведениях, предполагал написать, кроме данной, и вторую статью — о реформе гимназий. Об этом есть его письмо к Н. Е. Вернадской от 21 мая 1901 г.: «Я обдумываю еще одну статью о реформе гимназий... Мне кажется, о всех толках недостаточно точно и резко выступает основной принцип: необходимость расширения прав общества образовывать гимназии различных типов и предоставление по возможности упругих программ гимназиям, которые представили бы возможность разумной инициативы и самостоятельности педагогическим советам. Необходимым условием является представление Университетским советам права решать самим, каким учебным заведениям они разрешают без экзамена выпускать учеников в университет»⁷. Замысел осуществлен не был.

12. Правление университета было введено уставом университетов 1804 г. как исполнительный орган Совета. В Правление входили ректор университета, деканы факультетов и непременные заседатели из числа ординарных профессоров, назначаемые попечителем учебного округа (см. примеч. 13).

13. Учебные округа были введены вместе с организацией Министерства народного просвещения в 1803 г. На основании «Предварительных правил народного просвещения» было создано 6 учебных округов с центрами в университетских городах: Московский, Петербургский, Харьковский, Казанский, Виленский и Дерптский. Главой округа становился назначенный попечитель. На первых порах университетам было поручено руководить постановкой учебного дела в округах. В 1835 г. было введено «Положение об учебных округах», которое освобождало университеты от этой обязанности. Управление учебными заведениями округа оставалось в ведении попечителя и созданного при нем попечительского совета. В начале XX в. существовало 12 учебных округов. Они были ликвидированы в 1918 г.

---

⁷ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Ед. хр. 47. Л. 38 об.

МЕТАФИЗИКА НООСФЕРЫ

УДК 115.4

ББК (Ю) 87.22 + (Ю) 87.4

И. В. Дмитриевская

ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «ТИМЕЙ»

В статье рассматривается отражение (репрезентация) ноосферной идеи в диалоге Платона «Тимей»; обосновывается, что в Космологии и Космогонии Платона находит воплощение принцип системности. Автор раскрывает системообразующие функции мифологического времени через сопоставление сакрального времени и профанного времени.

Ключевые слова: системно организованное всеобщее, живой космос, мифологическое время, системная герменевтика, основной ноосферный закон.

А. «Тимей» Платона: миф о живом космосе

Ноосферная идея широко распространена в миропонимании древних. В качестве модели Ноосферного Универсума рассмотрим концепцию Живого Космоса Платона, обратив внимание на те моменты, которые делают ее созвучной современному понятию *ноосферы*. В. И. Вернадский, рассматривая ноосферу как особый этап развития биосферы Земли, подчеркивал доминанту разума человека, воплощенного в достижениях науки и культуры и призванного направлять их развитие по пути сохранения и приумножения жизни. Ноосферный разум не может осуществлять жизнеразрушающей функции, его задача — жизнесозидание.

Публикуя настоящую статью, редакционная коллегия поздравляет профессора Ирину Владимировну Дмитриевскую с Юбилеем.

Материал поступил в редакцию 20.05.2013; рекомендован к публикации 14.06.2013. Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор философских наук, профессор Г. С. Смирнов.

Развивая философское содержание учения о ноосфере, мы пришли к выводу, что ноосферу следует понимать как *системно организованное Всеобщее* [см.: 1]. Всякая целостная система имеет три уровня организации — концептуальный (уровень системообразующего свойства), структурный (уровень системообразующего отношения), субстратный (уровень элементов); направление системного исследования — от свойств и отношений к вещам [см.: 7]. Основные характеристики любого геобиохимического явления — вещество, энергия и информация — занимают определенные позиции в организации *ноосферы*: информация — концепт, энергия — структура, вещество — субстрат. Целостность *ноосферы* как системы, в отличие от неноосферных явлений, обусловлена информационной составляющей (концепт), а не энергетической или вещественной. Системная взаимосвязь информации, энергии и вещества выражается в виде *основного ноосферного закона*: *информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество*.

Не пересказывая диалога «Тимей», рассмотрим лишь отражение ноосферной идеи в его содержании. По Платону, Демиург (Ум, Благо, Добро) творит Живой Космос по своему образу и подобию. Космос является живым по определению: основной признак жизни — наличие структуры (порядка), Ума и Души. Космос целостен, един, вечен, и эти его качества также определяются Умом. Таким образом, креативную роль в создании Космоса выполняет *информация* (Ум). Платон проводит различие между «вечным, не имеющим возникновения бытием» (*тождественным*) и «вечно возникающим и никогда не сущим» (*иным*). Эти понятия наделены структурной функцией. Они развиваются, в частности, посредством *пропорций*. Ум строит «тело» Космоса из первоэлементов, в которых наиболее ярко воплощаются структуры тождественного и иного, а также пропорций. Эти элементы — *земля* и *огонь* — крайние члены пропорций, и *вода* и *воздух* — средние члены. Итак, Живой Космос формируется как системный объект — от *концепта* (Ум) к *структуре* (тождественное, иное, пропорции), а затем к *субстрату* (земля, огонь, вода, воздух и то, что из них создано).

Космос — *элементарно автономная* система: ее составные части строятся по тому же принципу, что и целое, обладают теми же системными характеристиками. Частью Космоса является *Душа* — обиталище Ума. Она распространяется по всему Космосу, все одушевляет. В конструкции Души концептуальная роль отводится Уму, структура — это сложная пропорция,

конкретизирующая взаимосвязь тождественного и иного, субстрат же — многочисленные одушевленные сущности, обитающие на Земле, на небе, в воздухе и в воде. Форма движения Души, как и Космоса в целом — сложное вращение; основная функция — одушевлять, вселять жизнь. Аналогично объясняется возникновение и развитие иных проявлений Космоса — богов, животных, человека.

Платон рассматривает систему Космоса, творимого Демиургом [см.: 4]. Но он ставит вопрос и о том, как возможен Космос, если бы он не был сотворен, а возник по «необходимости», из «неупорядоченной причины». Вводится понятие «кормилицы», «восприемницы», которое впоследствии, у Аристотеля, бытует как причина материальная. У Платона это скорее *субстанция*, из которой все тот же Ум формирует части Космоса. «Кормилица» — неупорядоченная причина; *эйдос*, порожденный умом, воспринимается ею; в результате получаем определенную вещь. Не решая полностью проблему возникновения Космоса естественным путем, Платон предлагает основной метод конструирования умопостигаемых сущностей. Мы называем его *атрибутивным* или *реляционным* синтезом. Эйдос (идея, форма) реализуется как свойство или отношение на некотором фрагменте материи («восприемницы»), в результате получаем сформированную вещь. Атрибутивный и реляционный синтез — виды системных операций.

Итак, можно заключить, что в Космологии и Космогонии Платона находит воплощение принцип системности. Сложнее обстоит дело с интерпретацией Космологии в терминах взаимодействия «информации» — «энергии» — «вещества». Ум и Душа явно *информационные* элементы творимого Космоса; «необходимость», «неупорядоченная причина» — аналог *вещества*; к *энергетическому* компоненту можно отнести как потенциалы Души, так и особые свойства основных стихий — огня и земли, а также основную порождающую структуру — взаимодействие тождественного и иного. В Космологии проявляется действие *основного ноосферного закона*: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество.

Б. Системообразующие функции мифологического времени

Мифологическое время [см. также: 5], по определению, — первовремя, «правремя», в котором совершаются «прасобытия» — «кирпичики»

мифологической картины мира; в нем первопричины последующих вещей и явлений. Принято противопоставлять мифологическое время эмпирическому как сакральное профанному: первое связано с творением Космоса, второе с бытием человечества. С этой точки зрения, мифологическое время выполняет системообразующие, *концептуально-структурные* функции в системе меняющегося человеческого бытия, соотносить содержание исторических событий с их предназначением. Эмпирические (исторические события), как правило, проецируются на ось сакрального времени, сопоставляются с актами творения, с универсальными архетипами, бытующими в нем. Происходит системный синтез, где эмпирические события выполняют роль *субстрата*, а категории мифологического времени — концепта и структуры; таким образом определяется *смысловая целостность* исторического процесса. Модели мифологического времени, линейные или циклические, служат для связи настоящего с прошлым. Такое понимание сущности мифологического времени соответствует идее о *системообразующей функции мифа* в структуре сознания [см.: 2]. В любые времена потребность в мифе появляется тогда, когда целостность старой картины мира исчезает и возникает необходимость создания новой целостности. Не случайно крупные исторические события эмпирического времени так или иначе используют для своего объяснения мифы как события мифологического времени, либо зафиксированные в прошлом, либо устремленные в будущее.

В диалоге Платона «Тимей» речь идет именно о мифологическом времени, а профанное эмпирическое время не рассматривается. Правда, формулируется некоторое предпосылочное, опять-таки мифологическое «знание», из которого можно заключить, как возможно эмпирическое время. У Платона мы имеем дело фактически не с оппозицией мифологическое (сакральное) / эмпирическое (профанное) время, а с антитезой *мифологическое время / Вечность*. Правда, и она относительна: как нам кажется, цель Платона не столько противопоставить *вечность* и *время*, сколько показать, что *время* производно от *вечности*, а потому содержит сакральные свойства.

Время — закономерное порождение Космоса, производная его структуры. Структура Космоса — сложное сочетание посредством пропорций *тождественного* и *иного*; к этим компонентам при творении Души Космоса присоединяется *сущность*. Время порождено *иным* и призвано упорядочивать существование конечных явлений. А поскольку Космос живой, то смертные

вещи, порожденные *иным*, также живые; мифологическое время у Платона, призвано структурировать события, происходящие с конечными существами. Время воплощает *структуру Космоса* и одновременно символизирует смертное начало в ней. Вечность Бога-демиурга и сотворенного им Космоса выражает объективную необходимость, закон: временные, смертные существа должны жить в соответствии с данным Богом законом.

По замыслу Платона, *иное* в структуре Космоса — нечто постоянно меняющееся, и потому, как кажется, противоположно тождественному, то есть вечности. Платон строит движущееся подобие вечности, образ, движущийся *от числа к числу*. В системе времени, если рассматривать его как целокупность, всегда находим момент изменчивости, как правило, на субстратном уровне организации (событийном, вещественном), и момент устойчивости на концептуально-структурном. Структурная роль отводится числу, несущему сакральный смысл. «...Устроая небо, Он [Бог — И. Д.] вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы называем временем... Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Все это части времени, а "было" и "будет" суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку. Ведь мы говорим об этой сущности, что она "была", "есть" и "будет". Но если рассудить правильно, ей подобает только "есть", между тем как "было" и "будет" приложимы лишь к возникновению, становящемуся во времени, ибо и то, и другое есть движение. Но тому, что вечно пребывает тождественным и неподвижным, не пристало становиться со временем старше или моложе...» [6, с. 518]. «...Первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей насколько возможно. Ибо первообраз есть то, что пребывает целую вечность, между тем как [отображение] возникло, есть и будет в продолжении целокупного времени» [Там же, с. 519].

Время родилось из разума и мысли Бога как движение *иного*. Этапы этого движения описываются сакральными числами и пропорциями. Орудиями (носителями) времени являются звезды и планеты, которые движутся по бесконечным круговым орбитам. Отсчет времени ведет и движение Земли, вращающейся вокруг оси: вращение Земли — причина смены дня и ночи. Вокруг Земли по бесконечным кругам движутся Луна — причина смены

месяцев, Солнце обуславливает смену годов. Другие планеты — Венера, Меркурий, Марс, Юпитер, Сатурн, — вращаясь в разных направлениях, также участвуют в устройстве времени, определяя его убыстрение или замедление. Все эти временные движения звезд и планет (а они живые и одушевленные) понимаются или как вращение «вдоль движения *иного*, которое наискось пересекает движение *тождественного* и ему подчиняется» [Там же, с. 520].

Следует учитывать использование Платоном пифагорейской символики чисел: 1, 3, 9, 27 и 2, 4, 8. Первый ряд 1, 3, 9 связан с символикой *тождественного*, из порождений этих чисел строится тело Космоса, 1 — абсолютное целое, неделимая единичность, 3 — сторона квадрата, 9 — площадь квадрата с ребром 3, 27 — объем куба; тело Космоса строится из определенных геометрических элементов. Но оно содержит и неопределенное, текучее, меняющееся, *иное*: 2, 4, 8. Каждое число сопоставляется орудию времени — небесному телу: Земля — центр Космоса, 1 — Луна, 2 — Солнце, 3 — Венера, 4 — Меркурий, 8 — Марс, 9 — Юпитер, 27 — Сатурн. 7 — число орудий времени также сакрально. Кроме чисел, связывающих время с вечностью, сакральный смысл имеют пропорции — структуры, положенные в основу не только тела, но и души Космоса. Это пропорции трех типов — арифметическая, геометрическая и гармоническая. С помощью пропорций заполняются промежутки между числами [3, с. 728—730].

Для того чтобы время, порожденное *иным*, было причастно *тождественному* и не размывало его, Платон ограничил движение Космоса двумя видами из шести возможных — это движение на месте и поступательное движение по замкнутому кругу, ибо круг сродни бесконечности. Время одухотворено, структурирует жизнь смертных творений. Звезды и планеты, орудия времени, одновременно являются обиталищами душ и образцов (эйдосов). Так осуществляется связь времени с вечностью: души и эйдосы бессмертны и символизируют *тождественное*. Таким образом, каждое смертное существо имеет две структурные составляющие на звёздах — эйдос, бессмертный образец, символизирующий *тождественное*, и время бытия, символизирующее *иное*.

Итак, время в понимании Платона — структурная составляющая конечных проявлений Космоса — творения Бога. Живой Космос целокупен и вечен; конечные свойства времени органично связаны с вечностью, потому что

конечные существа — неотъемлемые части целостного Космоса. Эта необходимая связь выражается в следующих моментах.

1. Круговые движения планет во времени представляют замкнутые циклы, символизирующие бесконечность. 2. Носителями (орудиями) времени являются звезды и планеты, части тела Космоса, а он вечен. 3. Структура времени определена числом и пропорцией, а числа имеют сакральный смысл и выражают закономерные отношения *тождественного*, *иного* и *сущности*. 4. Носители времени — звезды и планеты одновременно обиталища душ и эйдосов, которые бессмертны. Время, общаясь с душами, проникается идеей вечности, равно как души, находясь в одном месте со временем, познают конечность тел, в которые впоследствии вселятся. 5. По Платону, время в действительности имеет *замкнутую структуру, циклическую, круговую*; оно не может быть однонаправленным — от прошлого, через настоящее, к будущему. Объяснение времени, строго говоря, невозможно, так как грешит логической ошибкой «дурной бесконечности». 6. Играя системообразующую роль в существовании конечных существ как проявление *иного* в творении Космоса, время, тем не менее, *не обладает смыслообразующей функцией* по отношению к конечным живым существам, оно недостаточно совершенно. Смыслообразующую роль в этом отношении выполняют эйдосы и души как божественные образцы. Время в концепции Платона выполняет скорее формальную, чем содержательную конституитивную роль. Время — форма бытия *иного* в структуре Космоса, до поры не наполняемая содержанием.

Содержание понятия «время» очевидно формируется в процессе становления «эмпирического времени». В «Тимее» мы не находим признаков этого понятия. Такие признаки возникают позднее, скажем, у Аристотеля, где наряду с циклической моделью присутствует линейное время, а также более тщательно прописывается связь времени с различными формами движения. Однако и у Платона имплицитно содержится вопрос о возможности эмпирического времени и даже намечается путь (правда, мифологический) к его решению. Боги, которым демиург поручил создание смертных существ, придали им много направлений движения (шесть), и оттого движение их тел и душ стало менее упорядоченным и более хаотичным. Наблюдается обратное движение от Космоса к Хаосу, нарушается гармония в соотношении *тождественного* и *иного*, правильная последовательность чисел и пропорций. Такое хаотичное движение может происходить не в идеальном времени, а в

профанном, несовместимом с вечностью, утратившем сакральность, а следовательно, и неистинном.

Библиографический список

1. *Дмитревская И. В.* Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету: Материалы лицейско-университетской научно-методической конференции «Предметно-содержательное и психолого-педагогическое обеспечение становления ноосферной школы». Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 8—27.

2. *Дмитревская И. В.* Реальность ноосферы и смысл бытия [Раздел III] // *Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Ноосферные исследования. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. Вып. 2. С. 5—23.

3. Комментарии // *Платон.* Соч. в 4-х т. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 609—746.

4. *Лосев А. Ф.* Художественная действительность: Космос и его структура // *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Т. II. М.: Искусство, 1969. С. 607—615.

5. *Мелетинский Е. М.* Время мифическое // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 252—253.

6. *Платон* Тимей // *Платон.* Соч. в 4-х т. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 495—588.

7. *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.

НООСФЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

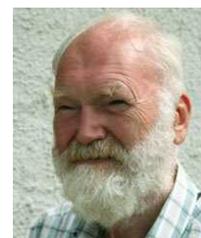

УДК 130.12 + 130.3

ББК (Б) 20.1 + (Ю) 87.21

А. А. Горелов

БИОСФЕРА, ПНЕВМАТОСФЕРА И НООСФЕРА: ДУХ В ЕДИНСТВЕ С ПРИРОДОЙ

В статье анализируются основные принципы, лежащие в фундаменте учения В. И. Вернадского о биосфере. Основное внимание автор уделяет установлению связей (точек пересечения) учения о биосфере с представлениями П. А. Флоренского о пневмосфере, теорией всеединства В. С. Соловьева и концепцией ноосферы.

Ключевые слова: биосфера, пневмосфера, ноосфера, экологический кризис, духовный кризис.

Учение о биосфере: основные принципы

Если глубинной причиной глобального экологического кризиса XX—XXI вв. является духовный кризис человека, то целесообразно проанализировать концепции, которые основывались на единстве живого и неживого, духа и материи с целью установить точки «духовно-экологические» пересечения. Одним из выдающихся достижений русской научной мысли XX в. является учение о биосфере В. И. Вернадского — представителя русской биологической школы, ученика В. В. Докучаева, который создал учение о почве как своеобразной оболочке Земли как единого целого, включающего в себя

Материал поступил в редакцию 1.06.2013; рекомендован к публикации 14.06.2013.
Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор философских наук, профессор Э. В. Гирусов.

живые и неживые тела. По существу, учение о биосфере было продолжением и распространением идей последнего на более широкую сферу реальности.

Существуют два основных определения понятия «биосфера», одно из которых известно со времени появления в науке данного термина. Это понимание биосферы как совокупности всех живых организмов на Земле. В. И. Вернадский, изучавший взаимодействие живых и неживых систем, выдвинул принцип неразрывной связи живого и неживого, переосмыслив понятие биосферы. В его понимании биосфера — единство живого и неживого.

Под биосферой, таким образом, естествоиспытатель понимал тонкую оболочку Земли, в которой все процессы протекают под прямым воздействием живых организмов. Биосфера располагается на стыке литосферы, гидросферы и атмосферы в диапазоне от 10 км вглубь Земли до 33 км над ней. На основе созданной им биогеохимии, изучающей распределение химических элементов по поверхности планеты, В. И. Вернадский пришел к выводу, что нет практически ни одного элемента таблицы Менделеева, который не включался бы в живое вещество. Он подчеркивал также значение энергии и называл живые организмы механизмами превращения энергии. Результаты своих исследований Вернадский называл эмпирическими обобщениями.

Главным принципом учения о биосфере является *принцип целостности биосферы*: «Можно говорить о всей жизни, о всем живом веществе, как о едином целом в механизме биосферы» [1, с. 22]. Строение Земли, по Вернадскому, есть согласованный в своих частях механизм: «Твари Земли являются созданием космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма» [Там же, с. 11]. Узкие пределы существования жизни — физические постоянные, уровни радиации и т. п. — подтверждают это. Гравитационная постоянная, или константа всемирного тяготения, определяет размеры звезд, температуру и давление в них, влияющие на ход реакций. Если она будет чуть ниже, звезды станут недостаточно горячими для протекания в них ядерных реакций; если чуть выше, звезды превзойдут «критическую массу» и обратятся в черные дыры, выпав тем самым из круговорота материи. Константа сильного взаимодействия определяет ядерный заряд в звездах. Если ее изменить, цепочки ядерных реакций не дойдут до углерода и азота. Постоянная электромагнитного взаимодействия определяет конфигурацию электронных оболочек и прочность химических связей; ее изменение сделает Вселенную мертвой. На основе подобных фактов

был сформулирован антропный принцип, в соответствии с которым Вселенная создана таким образом, чтобы стало возможно существование жизни и разумного существа — человека.

С принципом целостности биосферы и неразрывной связи в ней живых и косных компонентов связан *принцип гармонии биосферы и ее организованности*. В биосфере, по Вернадскому, «все учитывается и все приспособляется с той же точностью, с той же механичностью и с тем же подчинением мере и гармонии, какую мы видим в стройных движениях небесных светил и начинаем видеть в системах атомов вещества и атомов энергии» [Там же, с. 24].

По мнению Вернадского живое играет огромную роль в эволюции Земли. «На земной поверхности нет химической силы, более постоянно действующей, а потому и более могущественной по своим конечным последствиям, чем организмы, взятые в целом... Все минералы верхних частей земной коры — свободные алюмокремниевые кислоты (глины), карбонаты (известняки и доломиты), гидраты окиси Fe и Al (бурые железняки и бокситы) и многие сотни других непрерывно создаются в ней только под влиянием жизни» [Там же, с. 21]. Лик Земли как небесного тела, заключает Вернадский, фактически сформирован жизнью.

Биосфера играет космическую роль в трансформации энергии. «Можно рассматривать всю эту часть живой природы как дальнейшее развитие одного и того же процесса превращения солнечной световой энергии в действенную энергию Земли» [Там же, с. 22]. Растекание жизни есть проявление ее геохимической энергии. Живое вещество, подобно газу, растекается по земной поверхности в соответствии с правилом инерции. Жизнь постепенно, медленно приспособляясь, захватила биосферу, и захват этот не закончился. Поле устойчивости жизни есть результат приспособленности в ходе времени. Скорость передачи жизни зависит от плотности живого вещества. Космическая энергия вызывает давление жизни, которое достигается размножением. Размножение организмов уменьшается по мере увеличения их количества.

В. И. Вернадский предложил понятие автотрофности. Автотрофными называют организмы, которые берут все нужные им для жизни химические элементы в биосфере из окружающей их косной материи и не требуют для построения своего тела готовых соединений другого организма. Поле

существования этих зеленых автотрофных организмов определяется, прежде всего, областью проникновения солнечных лучей.

Таким образом, в 20-х годах XX в. В. И. Вернадский обосновал неразрывную связь в верхней оболочке Земли живого и неживого. В дальнейшем развитие биологии в этом направлении привело к созданию одной из основных наук второй половины XX в. — экологии, которая конкретизировала данное учение для отдельных экосистем.

Идея пневматосферы в контексте учения о биосфере и философии всеединства

В 1929 г. после опубликования учения о биосфере П. А. Флоренский выдвинул идею пневматосферы как сферы, в которой одухотворенный человек, обладая решимостью создать новую жизнь на планете, включает в орбиту своей деятельности и окружающую природу. Понятие пневматосферы вводилось русским философом для обозначения «существования особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры, или, точнее, в круговорот духа» [6, с. 165]. Последний не сводим к общему круговороту жизни. «Но есть много данных, правда, еще не достаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответствующей особой сферы вещества в космосе» [Там же]. В подтверждение своей точки зрения Флоренский ссылается на античного философа Ксенократа, считавшего, что душа различает вещи между собою тем, что налагает на каждую из них форму и отпечаток, и на представителя греческой патристики Григория Нисского, развившего теорию сфрагидации — наложения индивидуального типа человека подобно печати «на душу и тело, так что элементы тела, хотя бы они и были рассеяны, вновь могут быть узнаны по совпадению их оттиска — σφραγίς — и печати, принадлежащие душе. Таким образом, духовная сила всегда остается в частицах тела, ею оформленного, где бы и как бы они не были рассеяны и смешаны с другим веществом» [Там же, с. 164].

Пневматосфере присущи основные свойства Человека Духовного: полнота знаний, основывающаяся на сбалансированном развитии всех наук (включая экологию) и всех отраслей культуры; приоритет нравственных ценностей над материальными, заключающийся в экологической сфере в

распространении «золотого правила» этики на всю природу¹; и, наконец, деятельное стремление к новой и вечной жизни, в которую включаются не только люди, но животные и растения. Дух обладает качествами разума, морали и воли или, другими словами, включает в себя сознание, совесть и решимость начать новую жизнь. Это последнее и нужно, чтобы начать преобразовывать бытие во спасение его, а не для эгоистического использования природных богатств с целью удовлетворения сугубо материальных потребностей. Дух противостоит эгоистическому стремлению к выгоде и разделению людей, человека с природой, позволяя преодолеть греховность природы человека. В человеке есть стремление к всеединству, так как он образ и подобие Бога. В Человеке Духовном «и Божество и природа одинаково имеют действительность... и его собственная человеческая жизнь состоит в деятельном согласовании природного начала с божественным, или в свободном подчинении первого последнему... Постепенное осуществление этого стремления, постепенная реализация идеального всеединства составляет смысл и цель мирового процесса» [8, с. 155; см. также с. 134].

Выдвигая идею пневмосферы, П. А. Флоренский основывался на концепции всеединства, развитой В. С. Соловьевым. Последний писал, что «человек является естественным посредником между Богом и материальным бытием... устройтелем и организатором вселенной...» [Там же, с. 140]. И далее: «только один человек из всего творения, находя себя фактически как "это", сознает себя в идее как "все"» [Там же]. Русский философ ставил вопрос о «правах» земли и писал о «тройном отношении человека к материальной природе: 1) подчинение ей; 2) борьба с нею и эксплуатация ее; 3) ухаживание за нею для себя и для нее» [7, с. 71]. Он же подчеркивал, что «без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни» [Там же], и, обратно, «истинное решение экономического вопроса — в нравственном отношении человека к материальной природе (земле), обусловленное нравственным отношением к людям и Богу» [Там же]. Задача труда, по Соловьеву, — одухотворить материальную природу: «возделывать землю — не значит злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее. А значит улучшать ее, вводить ее в большую силу и полноту бытия» [Там же,

---

¹ *Примечание:* отметим здесь, что и Л. Н. Толстой включил в «золотое правило» этики отношение к животным: «Относись так, как хочешь, чтобы относились к тебе не только к людям, но и к животным».

с. 426]. Способствовать одухотворению природы — вот что значит создавать пневматосферу.

В. И. Вернадский все же предпочел понятию пневматосферы понятие ноосферы, которое послужило основанием развернутой концепции П. Тейяра де Шардена и могло быть реинтерпретировано в материалистическом ключе, что и осуществил отечественный ученый. Сейчас, учитывая реалии XXI в., можно поставить вопрос о создании пневматосферы. И здесь опять-таки приоритет теоретически и практически закреплен за Россией: «...наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» [10, с. 69]. Освоение космоса, начатое нашей страной, и есть великий подвиг создания пневматосферы.

Концепция ноосферы: Тейяр versus Вернадский

Лекции В. И. Вернадского 1922—1923 гг. в Сорбонне, в которых излагались идеи создаваемого им в то время учения о биосфере, стимулировали создание П. Тейяром де Шарденом в 30-х годах XX в концепции ноосферы, в которой он распространил выводы российского мыслителя о взаимосвязи живого и косного на человека.

Ноосфера понимается как сфера разума, составными частями которой являются человечество, живая и неживая природа. Само название «ноосфера» означает, что разум играет определяющую роль в становлении и развитии данной системы.

Ноосфера, по Тейяру, — это коллективное сознание, которое станет контролировать направление будущей эволюции планеты и сольется с природой в идеальной точке Омега, подобно тому, как раньше образовывались такие целостности, как молекулы, клетки и организмы. «...мы непрерывно прослеживали последовательные стадии одного и того же великого процесса. Под геохимическими, геотектоническими, геобиологическими пульсациями всегда можно узнать один и тот же глубинный процесс — тот, который, материализовавшись в первых клетках, продолжается в созидании нервных систем. Геогенез, сказали мы, переходит в биогенез, который в конечном счете ничто иное, как психогенез... Психогенез привел нас к человеку. Теперь психогенез ступеньвается, он сменяется и поглощается более высокой

функцией — вначале зарождением, затем последующим развитием духа — ноогенезом» [9, с. 122].

В центр мироздания концепция ноосферы помещает дух как внутреннюю основу объектов мира, который, выступая по-разному, на различных уровнях организации, проявляет «возрастающую тенденцию к господству и автономии» [Там же, с. 206]. Мир создан не для плоти, а для духа. Тенденцию цефализации — эволюционного увеличения массы, сложности и концентрации нервной системы (закон Дж. Дана) Тейяр интерпретировал как рост одухотворенности материи в ходе эволюции: «Эволюция ... это восхождение к сознанию» [Там же, с. 175]. Для него биосфера и ноосфера стали восходящими уровнями одухотворения материи, а человечество, в конечном счете, определимо именно как дух. «Дух тклет и разворачивает покров ноосферы» [Там же, с. 129]; в цивилизации одухотворяются все силы, содержащиеся в животном мире. Дух стремится к единству, а это основа ноосферы: «...дух в нашем понимании — это в сущности способность к синтезу и организации» [Там же, с. 176]. В финале эволюции человечество ждет «сосредоточение сознательного универсума», которое «было бы невысказанным, если бы одновременно со всей сознательностью он не собрал в себе все отдельные сознания, при этом каждое сознание продолжает осознавать себя в конце операции» [Там же, с. 177]. Так, Тейяр уготовливает человеку перспективу личного сознательного бессмертия в точке Омега.

Материалистическую интерпретацию концепции ноосферы дал на основе своего учения о биосфере В. И. Вернадский. Как живое вещество преобразует косную материю, являющуюся основой его развития (это стало ясно, в частности, благодаря фундаментальным трудам Вернадского), так человек неизбежно обладает обратным влиянием на природу, породившую его. Как живое вещество и косная материя, объединенные цепью прямых и обратных связей, образуют единую систему — биосферу, так человечество и природная среда образуют единую систему — ноосферу. Мир объединяется (тенденция глобализации), и это и есть становление ноосферы. Он объединяется в человеке и объединяет с ним природу. Образуется «Дух Земли». Тейяр де Шарден предвосхитил глобализацию и, соединив коллективного человека с природой, сблизил экологию с глобалистикой.

Развивая концепцию ноосферы вслед за Тейяром, В. И. Вернадский рассмотрел то, как на основе единства предшествующей стадии взаимодействия

живой и косной материи на следующей стадии взаимодействия природы и человека может быть достигнута гармония. Ноосфера, по Вернадскому, «такого рода состояние биосферы, в котором должны проявляться разум и направляемая им работа человека, как новая небывалая на планете геологическая сила» [2, с. 67]. Основным направлением эволюции становится теперь духовная эволюция. Российский ученый развил концепцию ноосферы как растущего глобального осознания усиливающегося вторжения человека в естественные биогеохимические циклы, ведущего, в свою очередь, ко все более взвешенному и целенаправленному контролю человека над глобальной системой.

К сожалению, В. И. Вернадский не завершил работу по развитию данной идеи: в концепции ноосферы представлен в полной мере один аспект современного этапа взаимодействия человека и природы — глобальный характер единства человека с природной средой. В период создания этой концепции противоречивость данного взаимодействия не проявилась с такой силой, как сейчас. Во второй половине XX в. в дополнение к глобальному характеру взаимоотношений человека и природной среды обнаружилась противоречивость этого взаимодействия, чреватая кризисными экологическими состояниями. Стало ясно, что единство человека и природы противоречиво хотя бы в том плане, что из-за увеличивающегося обилия взаимосвязей между ними растет экологический риск как плата человечества за преобразование природной среды.

В 60-е годы XX в. разразился экологический кризис и возникла парадоксальная, с точки зрения концепции ноосферы, ситуация: в сфере разума человек ведет себя неразумно, приближая катастрофу как окружающей среды, так и самого себя как части природы. Одной из главных причин экологического кризиса признан духовный кризис человека.

Эволюция человека — это эволюция духа, который включает в себя все новые пласты неодухотворенной материи. А противостоит ей инволюция подчинения новых возможностей разума плоти человека, недооценка которой ведет к глобальному экологическому кризису. Современное ему положение Тейяр определяет как «вираж мира» [9, с. 145]. Взрослеющий человек берет на себя функции Бога. Эволюция «... приобретает свободу располагать собой — продолжать себя или отвергнуть» [Там же, с. 154]. Если нет эволюции духа, наступает кризис. Тейяр не считал, что экологического кризиса или даже

катастрофы не может быть (учитывая «два фактора: внизу — случайности, сверху — свободы» [Там же, с. 205]). Он писал о нарастании «органического кризиса эволюции» [Там же, с. 157]: «... великая машина человечества создана, чтобы действовать, и она *должна* действовать, производя сверхизобилие духа. Если она не функционирует или, точнее, если она порождает лишь материю, то значит, она работает на обратном ходу» [Там же, с. 174]. Человечество должно объединиться внутри себя и с природой, а если этого не происходит, то налицо кризис.

Имеется еще одно важное соображение. Человек взаимодействует со средой его обитания не только разумно, но и чувственно, поскольку он сам существо не только разумное, а разумно-чувственное, в котором разумный и чувственный компоненты сложным образом переплетены. Конечно, чувственное не следует отрывать от разумного, и чувства могут быть как осознаны, так и нет. Тем не менее, проведение здесь определенных различий вполне уместно и предохраняет от односторонних трактовок, поскольку не всегда с экологической точки зрения хорошо то, что преимущественно рационально, а само понятие разумного исторически изменчиво. Так, все современные технологические схемы, конечно же, по-своему разумны и рациональны в традиционном смысле слова, но часто дают отрицательный экологический эффект. В то же время такое чувство, как любовь к природе, не всегда может быть рационально интерпретировано и, тем не менее, способно весьма положительно повлиять на общую экологическую обстановку.

«Только любовь, по той простой причине, что лишь она берет и соединяет существа их сутью, способна — это подтверждает ежедневный опыт — завершить существа как таковые, объединив их» [Там же, с. 180]. Эта «персонализация в тотализации» [Там же] близка русской соборности. Но возможна ли любовь ко всему Универсуму? «Всеобъемлющая любовь не только психологически возможна, она единственный полный и конечный способ, которым мы можем любить» [Там же, с. 181]. Это состояние, когда мы любим все, весь Универсум, который может «персонифицироваться для нас».

Резюме и итог своего произведения Тейяр определяет так: «Существовать полнее — это все больше объединяться», причем «единство возрастает лишь на основе возрастания сознания» [Там же, с. 16]. Мыслитель имеет в виду, единство внешнего и внутреннего, материи и духа; единство, поддерживаемое снизу у истоков эволюции в «простоте световой природы» и сверху —

коллективное единство сознания. «Духовное совершенство (или сознательное "средоточие") и материальный синтез (или сложность) — это лишь две взаимосвязанные стороны или части одного и того же явления» [Там же, с. 35]. Но возрастание единства — результат развития не только и не столько разума, сколько духа. Разум, наоборот, может разъединять людей между собой и людей с природой, приводя к экологическому кризису.

Ноосфера или пневматосфера: возможность или необходимость?

Концепция ноосферы представляет единство человека и природы в виде процесса — ноогенеза, ведущего к становлению единой системы «человек — природная среда». Ноогенез — один из аспектов процесса становления родовой сущности человека, и его нельзя остановить, не отказываясь от актуализации и совершенствования потенциальных возможностей, заложенных в человеке как виде. Стремление к осуществлению своих целей в природе останется, по-видимому, главенствующим в определении человеком перспектив его взаимоотношений с природой с того момента, как он перешел от защиты своей видовой специфики к превращению ее в важный фактор формирования природной закономерности.

В целом, концепция ноосферы напоминает натурфилософские построения и сциентистские утопии. Становление ноосферы — возможность, но не необходимость. Ценность этой концепции в том, что она дает конструктивную модель вероятного будущего, а ее ограниченность в том, что она рассматривает человека как, прежде всего, разумное существо, тогда как индивиды и тем более общество в целом редко ведут себя по-настоящему разумно. Пока человечество движется отнюдь не к ноосфере, и последняя остается одной из гипотез, тогда как реально на Земле свирепствует экологический кризис.

Начиная с 70-х годов XX в., в философско-экологической литературе появилось немало книг о создании ноосферы как способе борьбы с экологическим кризисом. Но было и много сомнений, и в частности: как можно говорить о наличии ноосферы, если налицо кризис во взаимоотношении человека и природы? Почему мы вообще называем человека разумным, когда он поступает столь неразумно, в том числе по отношению к природе?

На это можно ответить так. Разум — это только средство (по В. С. Соловьеву), которое может быть использовано в различных целях. Человек Разумный может стать и Человеком Потребляющим и Человеком Духовным. Каким он будет, зависит от решения им дилеммы «иметь или быть» и ответа на вопрос «кем быть?». Так же и с ноосферой. Она может быть сферой борьбы с природой и попыткой ее покорения, ведущей к экологическому кризису, а может стать сферой сущностного единства человека с природой. Таким образом, само по себе создание ноосферы еще не гарантирует преодоление экологического кризиса. Лучше, как предлагал П. А. Флоренский, вместо понятия ноосферы использовать понятие пневмосферы, относя его к будущему.

Пневмосфера предполагает приоритет духовного и признание значимости всего сущего («благоговение перед жизнью» А. Швейцера). Каждое живое существо имеет свой смысл (логос) существования, и человек не вправе ради своекорыстных интересов уничтожать его. Некоторые экологи доводят этот принцип до равноценности всего живого вплоть до утверждения, что не столь важно, будет существовать человек или нет. Главное, говорят они, чтобы существовала биосфера, а она неизбежно породит новые разумные существа. Но такие взгляды противостоят принципу иерархичности сущего и не могут быть приняты.

Фундаментальность противоречия между человеком и природной средой осознается все яснее, как и потребность в гармонии этих компонентов единой системы. Практическая деятельность человека по преобразованию природы укрепляет его единство с ней в смысле роста сети функциональных связей, что позволяет функционально рассматривать человека и природную среду как единую систему. Однако подлинное единство человека и природы не есть только единство внешних функциональных связей, достигаемое в процессе утилитарно-технического переустройства мира, или генетическое единство порождения человека природой. Человек един с природой не только генетически (по своему происхождению) и функционально (преобразовывая ее в процессе своей деятельности), но также сущностно. Он не может существовать без природы не только физически (телесно), что само собой разумеется, но также душевно и духовно.

Перспектива духовного единства человека с природой

Ускоренное научно-техническое развитие и небывалый рост природообразовательных возможностей общества требуют духовного совершенствования человека в трех его основных компонентах: обеспечения полноты знания (деятельность сознания), обеспечения полноты человечности (деятельность совести) и решимости начать новую жизнь (деятельность воли). Рассмотрим эти три аспекта последовательно.

Полнота знания. Аналитизм, лежащий в самом фундаменте научного подхода к действительности, вполне отвечает стремлению человека практически овладеть предметным миром, поскольку сама преобразовательная деятельность в своей сущности также преимущественно аналитична. Человек подчиняет себе мир через его познание (прежде всего научное), но это познание, а, стало быть, и овладение предметным миром не могут быть абсолютными, так как предпосылкой познания предмета выступает его идеальное разрушение, идеализация. «Человек стремится вообще к тому, чтобы познать мир, завладеть им и подчинить его себе, и для этой цели он должен как бы разрушить, т. е. идеализировать, реальность мира» [4, с. 158]. Наука ранее «разрушала» мир идеально, но ныне она начинает вносить свой вклад в реальное разрушение мира (достаточно вспомнить дискуссии среди генетиков относительно опасности экспериментирования со штаммами бактерий).

Искусственная изоляция какого-либо фрагмента реальности дает возможность его углубленного изучения, однако при этом не учитываются связи данного фрагмента со средой. Подобное обстоятельство, которое может показаться малосущественным, влечет за собой важные экологические негативные последствия, когда результаты исследования вовлекаются в практику человеческой природообразовательной деятельности. Аналитическая устремленность науки должна уравниваться синтетическим подходом, очень важным сейчас в связи с осознанием целостного характера функционирования экосистем и природной среды в целом. Повышение в современной науке значения таких синтетических дисциплин, как экология, говорит о том, что намечаются положительные сдвиги в данном направлении.

Аналитизм внутри конкретных научных дисциплин продолжается в аналитической направленности развития науки в целом как особой формы

постижения мира. Фундаментальной особенностью структуры научной деятельности, вытекающей из ее преимущественно аналитического характера, является разделенность науки на обособленные друг от друга дисциплины. Это, конечно, имеет свои положительные стороны, поскольку даёт возможность изучать отдельные фрагменты реальности, но при этом упускаются из виду связи между ними. Разобщенность науки особенно мешает сейчас, когда в эпоху быстротекущей дифференциации научного знания выявилась необходимость интегративных исследований природной среды.

Экологическая проблема связана также с разрывом между науками, неравномерностью их развития, что определяется как внутренней спецификой науки, так и влиянием общественных потребностей. Важно иметь в виду, что «виновато» не конкретное научное достижение, а то, что вслед за ним не происходит соответствующих изменений в других областях знания, не модифицируется научная система в целом. Науке не хватает гибкости, которая свойственна биосфере. Как компьютеру человек уступает в быстродействии, так биосфере (которой человек стремится управлять) он уступает в гибкости. Неравномерное развитие науки на фоне громадного увеличения общего количества знаний и является одной из причин того, что противоречия между возможностью человека внести изменение в природную среду и пониманием последствий этого изменения не сглаживаются, а, наоборот, становятся все более острыми, драматичными.

Наука, писал Тейяр, должна стать «безукоризненно цельной перспективой универсума» [9, с. 168]. «... физическое завершение вещей связано с отчетливым восприятием их нами... В самом деле, физика начинает замечать, что мыслить мир — это не только его регистрировать, но придавать ему форму единства, которой он был бы лишен, если бы не был мыслим» [Там же, с. 169]. Поэтому научное открытие есть творчество. «...человечество идет в направлении завоевания материи, поставленной на службу духа... Да, мечта, которую смутно лелеет человеческое научное исследование — это, в сущности, суметь овладеть лежащей за пределами всех атомных и молекулярных свойств основной энергией, по отношению к которой все другие силы являются лишь побочными, и, объединив всех вместе, взять в свои руки штурвал мира, отыскать саму пружину эволюции» [Там же]. Речь идет о духовной энергии. Но это скорее задача, чем данность. Сейчас уже создается то, что предвидел Тейяр, — искусственная жизнь. Человеческий дух приступил к рождению

сначала материи (в том числе в Объединенном институте ядерных исследований в г. Дубне), а теперь и искусственной жизни. Но кризисы возможны, если не будет выполняться закон космоса и духа — закон эволюции в единстве, т. е. эволюции ноосферы в целом. Если человечество завоевывает материю, ставя ее на службу не духу, а телу, то отсюда и проистекает экологический кризис.

В последние годы все более осознается, что для решения экологической проблемы необходима выработка целостного представления о функционировании окружающей человека среды и его месте в ней. Противоречие между традиционной наукой, разделенной на жестко обособленные дисциплины, и потребностью целостного познания реальности стимулирует становление нового типа организации науки.

Необходимость не только в интегративно-разнообразной, но целостной и гармоничной системе науки вытекает, с одной стороны, из стремления к познанию мира как целого и роли науки в становлении целостной гармонически развитой личности, а с другой — из потребностей современного этапа взаимоотношений человека и природы. Причем, если на проблему целостности познания природы и взаимодействующего с ней человека обращалось определенное внимание, то проблеме гармоничного развития науки его уделялось явно недостаточно.

Между тем, существует настоятельная экологическая необходимость того, чтобы на смену представлениям об иерархии наук пришло представление о круге наук (как говорит К. Леви-Строс — «земля научного познания круга»). Соответственно, классификация наук должна строиться не по принципу иерархии (обычно под этим понимают подчинение одних наук другим) и последовательного дробления (нацеленного на разделение, а не на соединение наук и при своем осуществлении ведущего в бесконечность дифференциации, не сбалансированной интеграцией), а по типу круга с контуром обратной связи аналогично взаимодействию самих природных процессов в биосфере.

В целом, наука должна приближаться не к такой степени интеграции, как механическая система или биологический организм, а к степени гармоничной системы. Нужна не интеграция в максимально возможной степени, а максимально возможная в данный момент гармоничная интеграция. Таким образом гармонизированная наука поможет созданию гармоничной системы

взаимоотношений человека с природой и обеспечению гармоничности развития самого человека.

Наука способствует прогрессу общества вместе с другими отраслями культуры, а не является отраслью, кардинально отличающейся от всех остальных. Обеспечение целостности познания требует переориентации науки в направлении синтеза с другими отраслями культуры. Экологический подход может послужить основой культурного синтеза, который выйдет за рамки науки и свяжет ее с другими отраслями культуры. Такой синтез не менее важен, чем экологизация науки. Поскольку наука не может быть самоцелью, ее ценностная переориентация является составной частью переориентации всей культуры, всего общества.

Отношение к природной среде как целостности предполагает в качестве предпосылки целостность культуры, а, стало быть, тесную и гармоничную связь науки с искусством, философией и т. п. Продвигаясь в этом направлении, наука будет отходить от ориентации исключительно на технический прогресс, отвечая на глубинные запросы общества — этические, эстетические, а также те, которые затрагивают определение смысла жизни и целей развития общества.

Прогрессом науки в целом можно считать согласованный рост ее разнообразия, интеграции и удовлетворения социальных потребностей. На основе принципа интегративного разнообразия, определяющего ее общий прогресс, наука должна продвигаться по пути становления целостной интегративно-разнообразной гармоничной системы.

Полнота человечности. «Ложен и противоестественен, — писал Тейяр, — эгоцентристский идеал будущего, якобы принадлежащего тем, кто, руководствуясь эгоизмом, доводит до крайнего выражения принцип "каждый за себя". Любой элемент может развиваться и расти лишь со всеми другими элементами и через них... Выход для мира, двери для будущего, вход в сверхчеловечество открываются вперед и не для нескольких привилегированных лиц, не для одного избранного народа! Они откроются лишь под напором *всех вместе* и в том направлении, в котором все вместе могут соединиться и завершить себя в духовном обновлении Земли» [Там же, с. 165—166]. Выход в новую жизнь может быть только коллективным. Французский мыслитель дал свою альтернативу будущего — глобализация всех вместе.

Анализ современной экологической ситуации позволяет сделать следующие выводы:

1. Чтобы спасти мир, необходимо перейти от агрессивно-потребительской цивилизации к альтернативному типу, существенной чертой которого будет раскрытие глубинных потенций бытия человека, а не просто культивирование потребностей.

2. Самоограничение потребностей и насилия, чтобы быть действенным, должно основываться не на принуждении, а на свободном волеизъявлении индивидов.

3. Первое и второе возможно лишь при становлении любовно-творческой структуры личности и образа жизни.

В религиозной философии отмечалось, в частности, что Библия не дает санкцию на покорение природы. Господство над природой следует понимать не как подчинение ее человеку, а скорее в плане разумного владения планетой; слова же о «наполнении земли» имеют не обычный демографический смысл, а ориентируют на заботу об улучшении природы и приумножении ее богатств. В подтверждение данной интерпретации приводится текст из Книги Бытия, где говорится о библейском предписании «возделывать и охранять землю» (речь идет об эдемском саде). Человек, к сожалению, не выполняет этого. Отсюда вывод, что бедственное состояние природы имеет своей глубинной причиной искажение нравственной основы изначально данного человеку господства над природой. Там же, где имело место строгое следование христианским заповедям, воздействие человека на природу, наоборот, было облагораживающим. Примером могут служить монастыри как центры освоения необжитых земель, которые превратили безжизненные болота, бросовые земли и выжженные пустыни в плодородные сады и пашни.

В эпоху научно-технической революции, когда человек получил достаточную силу, чтобы сделать с природной средой все, что ему заблагорассудится, во весь рост встала проблема ответственности человека за природу и установления гармонии с ней. Ее решению отвечает новое направление в этике — экологическая этика. «Развитие этики можно выразить не только через философские, но и через экологические понятия. Этика в экологическом смысле — это ограничение свободы действий в борьбе за существование» [5, с. 200]. Так понимал этику О. Леопольд — создатель первого варианта экологической этики, названной «этикой Земли».

Маленькому Принцу, созданному воображением французского писателя А. де Сент-Экзюпери, дается совет быть ответственным за всех, кого он приручил. Основной принцип своей философии — «благоговение перед жизнью» — А. Швейцер раскрывает как «безграничную ответственность за все живое на Земле» [11, с. 36]. Не случайно, именно его признают наиболее ярким представителем экологической этики.

Наряду с ответственностью, стержнем экологической этики является любовь к природе. Часто любовь к природе считают чем-то несерьезным, чуть ли не выдумкой писателей. Как можно любить всю природу, в которой есть и приносящие вред человеку виды? На самом же деле, как справедливо отметил В. Вундт, чувство скорее ведет к альтруизму, чем рассудок. «Чистый, неоснованный на эгоизме альтруизм естественно мог развиваться только при переходе от рассудочной морали к морали чувства, при допущении, что непосредственные чувства симпатии и любви являются основами альтруистического поступка» [3, с. 299]. Рассудку трудно бывает побороть соображения собственной выгоды, а для чувства любви, жалости, сострадания достаточно бывает мгновенья. Поэтому к экологической этике ближе путь через чувство любви, благоговение перед природой, чем через расчет, принятие экологического законодательства, которое еще надо приучиться исполнять. Здесь, как в отношениях между людьми, лучше, если все будет основываться, как предлагал Конфуций, на нравственности, а не на принуждении. В связи с этим большое внимание в экологической литературе уделяется понятию экологической чувствительности, под которым понимается более тонкое проникновение с помощью чувств человека в мир природы.

Гуманизм происходит от «Ното», в котором не только «человек», но и «земля» («гумус» как наиболее плодородный слой земли). И человек — «Ното» от земли, а не только «мен» от ума и «антропос» сам по себе. В этих трех словах — три концепции человека. В «мен» и «антропос» нет ничего ни от земли, ни от человечности. Гуманизм, таким образом, по происхождению слова понимается как земной, экологический. А «экология» понимается как «дом» человека, его бытие в широком смысле слова.

Н. А. Бердяев говорил о каре за гуманистическое самоутверждение человека, заключающееся в том, что человек противопоставил себя всему окружающему, тогда как он должен был соединиться с ним. Гуманизм эпохи

Возрождения лелеял индивидуализм, новый гуманизм должен быть прорывом сквозь индивидуальность к бытию.

Экологический гуманизм выполняет хайдеггерову задачу приобщения к бытию. Вход в бытие осуществляется через практику человеческой природопреобразовательной деятельности. Однако человек не детерминирован технологическим путем, которым он идет. Он может двинуться экологическим путем, который скорее выведет его к бытию.

Эколого-социальные кризисы требуют практического гуманизма, но они же вынуждают человечество подняться на новую теоретическую ступень. Путь к подлинно глобальному сознанию и всемирной культуре лежит не через подавление одних культур другими, не через рациональное конструирование неких новых систем, а через объединение людей и наций на базе общечеловеческой нравственной мудрости.

Материальный прогресс потребительской цивилизации не может не вести к кризису, потому что материальные потребности, как уже подчеркивалось, в принципе могут расти беспредельно, входя в противоречие с возможностями биосферы их удовлетворить. Экологический гуманизм позволяет ослабить антагонизм данного противоречия. Как современная форма гуманизма он объединяет борьбу за социальную справедливость и антивоенные акции, «зеленое движение» и движение за права животных, милосердие и вегетарианство. Его принципы:

1. Гармония человека с природой.
2. Равноценность всего живого.
3. Ненасилие (ахимса).
4. Самоограничение вместо потребительства.
5. Становление любовно-творческой личности.
6. Необходимость нравственного самосовершенствования.
7. Личная ответственность за мир.
8. «Золотое правило экологии».
9. Несотрудничество с эксплуататорскими классами.
10. Сохранение разнообразия природы, человека и культуры.

Воля. «Эволюция — возрастание сознания. Возрастание сознания — действие к единению» [9, с. 164—165]. Великим проводникам экологического гуманизма было в высшей степени свойственно стремление не только размышлять, но и действовать. В экологическом гуманизме мы приходим к

осознанию бытия не только теоретически, но и практически — в своем поведении. Гуманизм прорывает рамки духовной культуры и выходит на простор бытия. Обеспечение духовного единства человека и природы можно считать реальным осуществлением духовного и одновременно экологического императива. Это можно будет назвать духовным рождением человечества.

В заключении отметим, что развитие концепций ноосферы и пневмосферы должно, по нашему мнению, быть магистральной линией философско-религиозного осмысления проблем взаимоотношения природы и общества и путей преодоления экологического кризиса. Основные направления этого развития: обеспечение полноты знания, полноты человечности и решимость начать новую жизнь в соответствии с духовными императивами.

Библиографический список

1. *Вернадский В. И.* Биосфера // Вернадский В. И. Избранные сочинения. В 6 т. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. V. С. 7—102.
2. *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1977. 191 с.
3. *Вундт В.* Введение в философию. СПб.: Типография общества Брокгауз-Ефрон (Санкт-Петербург), 1903. 310 с.
4. *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Т. I. М.: Мысль, 1975. 452 с.
5. *Леопольд О.* Календарь песчаного графства. М.: Мир, 1983. 216 с.
6. П. А. Флоренский В. И. Вернадскому // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 162—165.
7. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47—548.
8. *Соловьев В. С.* Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. / Сост. Н. В. Котрелев и Е. Б. Рашковский. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 31—170.
9. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Устойчивый мир, 2001. 232 с.

10. *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела [отрывки] // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 69—78.
11. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 572 с.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

NOUS

UNINOUS (ВСЕЛЕНСКИЙ РАЗУМ)

УДК 113

ББК (Б) 20 + (Ю) 87

С. Г. Смирнов

О ВЕРОЯТНОЙ СТРУКТУРЕ НООСФЕРЫ И ПРИРОДЕ МОЗГА

В статье анализируется связь возрастных программ мозга человека с вероятной структурой ноосферы. Автор акцентирует внимание на феномене «коллективного мозга» человечества.

Ключевые слова: мозг, импринтинг, программы мозга, ноосфера.

На мой взгляд, учение В. И. Вернадского о ноосфере превратилось в XXI веке в самую фундаментальную науку современности, которая успешно прогнозирует ближайшие и отдалённые этапы развития земной цивилизации.

«Элементы Космоса, строящие его бытие, может быть, имеют глубокие аналогии с индивидуумами — организмами жизни... Мы не можем знать, где остановится проникновение научно построенного Космоса явлениями, связанными с жизнью. Вероятно, будущее чревато большими неожиданностями... Мы подходим к очень ответственному времени — коренному изменению нашего научного мировоззрения», — писал Владимир Иванович Вернадский в 1931 году [2, с. 183]. При этом он считал одной из многочисленных предпосылок создания ноосферы радикальное усовершенствование технологий связи, создание единой информационной системы.

Философ-космист Светлана Семёнова считает, что «ноосфера возникает с самого появления человека как процесс сугубо объективный, стихийный <...> только сейчас, в наше время, — пишет она, — биосфера начинает переходить в

Материал поступил в редакцию 31.05.2013; рекомендован к публикации 14.06.2013. Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор философских наук, профессор А. В. Брагин.

ноосферу; собственно ноосфера где-то ещё впереди, на совсем другом, далеко не достигнутом уровне планетарного сознания и действия человечества [9, с. 13]. Возникает вопрос, что и как формирует структуру (конструкт) ноосферы? Если считать, что ноосфера структурируется в результате коллективной сознательной деятельности «объединённого мозга» человечества, то придется, прежде всего, решить, всего ли человечества без исключения (то есть каждого индивида), или лишь незначительной его части? На этот вопрос пытается ответить американский исследователь Джон Кехо, который пишет: «Принцип работы мощного лазерного луча основан на сложении когерентных световых волн. Свет состоит из миллионов волн, и частота каждой из них немного отличается от частоты соседних. Если заставить хотя бы одну десятую процента всех волн колебаться с одинаковой частотой, то есть тысячу из миллиона, то все остальные автоматически перестроятся на ту же частоту, превратившись в мощный луч. Для этого нужна всего лишь одна десятая процента; так работает лазер» [6, с. 207]. Он считает, что «для возникновения космического сознания [читай: *ноосферы* — С. Г.] тоже существует некое магическое квантовое число, и соотношение может быть таким же. Если это число одна десятая процента, а население Земли 7 миллиардов, то, для того, чтобы началось крупномасштабное структурирование ноосферы, должны «пробудиться» семь миллионов человек». «Чтобы достичь космического сознания, всего лишь каждый тысячный человек должен вдохновиться этим видением». «Я верю, — пишет он, — что этот скачок в эволюции сознания уже близок и свершится в одном из ближайших поколений. Возможно, в настоящее время происходит квантовый «естественный отбор», только на этот раз в сфере сознания» [6, с. 207].

Если согласиться с тем, что «коллективный мозг» семи миллионов землян структурирует ноосферу, а также принять самую распространённую в наше время метафору мозга — «биологический суперкомпьютер», то вполне допустимо рассмотреть основные программы, вводимые в мозг каждого человека на протяжении его индивидуальной жизни и, в том числе, указанных семи миллионов «избранников». Пока, судя по литературе, известны и описаны следующие пять таких программ и программных комплексов:

1. **Космогенетическая программа.** Отбор 50% генов при формировании яйцеклетки женщины в значительной степени определяется ситуацией в Солнечной системе (активность Солнца, расположение планет, их спутников).

Из широкого спектра (набора) 50% генов сотен миллионов сперматозоидов мужчины, яйцеклетка отбирает оптимальный для неё вариант генов также под воздействием состояния Солнечной системы. Отсюда — неповторимое разнообразие человеческих личностей и незатухающий интерес населения к своим знакам Зодиака [8, с. 12].

2. Космическая программа. Во внутриутробный период жизни ребёнка на 4—5 месяце развития, когда его мозг уже представлен 100 миллиардами нейронов, в этот мозг вводится программа, определяющая его «космические знания». У большинства людей она позже проявляется как «врождённое религиозное чувство», независимое от веры в бога, монотеизма, политеизма, атеизма, разнообразия конфессий или сект. Нередко эту программу именуют «душой человека» [5, с. 45]. Опубликованы результаты исследования механизмов этого процесса [12, с. 130].

3. Родовые программы (базовые перинатальные матрицы). Их четыре: а) Полнота бытия и амниотическая Вселенная; б) Изгнание из Рая; в) Борьба смерти и возрождения; г) Переживание смерти и возрождения. Эти программы детально изучены выдающимся психологом Станиславом Грофом и опубликованы в его многочисленных монографиях [См.: 4; 5].

4. Импринты (запечатления). Возникают и формируются на конкретную ситуацию природной или социальной среды в момент возникающего резонанса космических вибраций с вибрациями нейронов мозга человека в различные периоды его жизни. Тимоти Лири [См.: 7] и Роберт Уилсон [См.: 11] описывают восемь вводимых при этом в мозг человека программ (поведенческих контуров). Первые четыре из них формируются у каждого без исключения человека, а последующие четыре — лишь у незначительной части людей, условно называемых «избранниками» или «великими посвящёнными». Вот перечень этих импринтов: а) материнский оральный контур биовыживания, формирующий мозговые механизмы безопасности, позволяющие избегать всего вредного и хищного в жизни; б) мужской эмоционально-территориальный контур доминирования личности или её подчинения; в) времясвязывающий семантический контур, определяющий творческие способности человека, его изобретательность, прогнозирование, передачу сигналов через поколения, либо отсутствие этих функций левого и правого полушарий мозга; г) моральный социо-сексуальный контур, определяющий моральное и неморальное поведение личности,

сексуальные табу, традиционные или нетрадиционные сексуальные пристрастия, продолжение рода, выживание генофонда. Повторяю, эти четыре импринта формируются у всех без исключения жителей Земли.

Следующие четыре «новых и новейших» импринтных программы, определяющих эволюцию человечества и особым образом формирующие функциональный конструкт мозга, возникают лишь у незначительной части людей, так называемых «избранников»: д) нейросоматический контур — «сознание-тело», формирует умение управлять своим телом через йогу, религии, НЛП и др.; е) коллективный нейрогенетический контур связи ДНК—РНК — нейроны мозга: он обеспечивает доступ мозга к эволюционному сценарию «прошлое-настоящее-будущее», к коллективному бессознательному, архитипам Юнга; е) контур метапрограммирования — обеспечивающий возникновение кибернетического сознания высших уровней йоги, сознательный выбор между альтернативными мирами (туннелями реальности) Солнечной системы; ж) нелокальный квантовый контур (Бом, Уолкер, Белл) — появление внетелесного опыта, доступ к космической информации, видение будущего, экстрасенсорное восприятие и др.

Можно по разному относиться к приведённой выше классификации импринтных программ, периодически на протяжении жизни людей «вводимых» в их мозг, программ в высшей степени устойчивых, которые изменить или удалить практически невозможно. Однако следует сказать, что феномены импринтов к настоящему времени достаточно хорошо изучены, а практическое значение возникающих при этом поведенческих контуров для жизни каждого человека не подлежит сомнению.

5. Социальное обучение и воспитание. Эти программы чрезвычайно разнообразны по количеству и качеству для каждого индивида. Они нестабильны, легко «стираются», пополняются и изменяются. Их введение, проявление и реализация в значительной степени зависит от вышеописанных программ. А источниками введения их в мозг человека на различных временных этапах жизни человека являются: а) Семья (родители, бабушки, дедушки, братья и сёстры); б) дошкольные учреждения; в) друзья и товарищи по двору и улице; г) школа, книги, интернет; д) профессиональные образовательные учреждения (колледжи, вузы); е) микро- и макро-коллективы (семья, коллеги по работе, объединения по интересам, политические организации и партии и др.).

Кроме перечисленных программ, вводимых в головной мозг человека в разные периоды его жизни, существуют или заново создаются новые мощные социальные технологии программирования мозга человека (психотронное оружие, деструктивные культы, мозговые чипы и др.) На мой взгляд, в основу изучения конструкта ноосферы будут положены рассмотренные выше программы, по которым функционирует мозг современного человека. В этом отношении уже сделаны первые шаги.

Я намеренно не затронул проблему взрывообразно развивающегося Интернета с двумя его доминантами: а) информационной — «каждый имеет доступ ко всей информации» (слияние с информационной вселенной); и б) коммуникационной — «каждый может связаться с каждым» (каждый со всеми и все с каждым). Это особый разговор о механизмах современного социально-компьютерного программировании мозга землян. Обсуждение положительных и отрицательных последствий такого программирования широко обсуждается не только в научных, но и в популярных публикациях [См.: 3].

И последнее. Объем журнальной статьи заставил меня лишь перечислить и кратко прокомментировать программы, закладываемые в головной мозг человека на протяжении его индивидуального существования и отношения этих программ к формированию структуры ноосферы. Эти проблемы детально обсуждалось в дискуссиях на девяти занятиях городского семинара ивановской интеллигенции «На острие времени» им. А. Вейника в 2012—2013 учебном году [См.: 10].

Библиографический список

1. *Берсенева П.* Лабиринты ума. СПб.: Амфора, 2008. 461 с.
2. *Вернадский В. И.* Изучение явлений жизни и новая физика // Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. 1922—1932 гг. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1991. С. 175—197.
3. *Елистратов В.* Интернет-нирвана Стива Джобса // Октябрь. 2012. № 2. С. 152—155.
4. *Гроф С.* Психология будущего. Уроки современных исследований сознания. М.: АСТ; Институт трансперсональной психологии, 2003. 464 с.

5. *Гроф С.* Холотропное сознание. Три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь. М.: АСТ: ГАНГА, 2006. 267 с.
6. *Кехо Д.* Квантовый воин. Сознание будущего. М.: 2011, 218 с.
7. *Лири Т.* История будущего. М.: Янус, 2000. 287 с.
8. *Ридли М.* Геном. М.: Эксмо, 2008. 226 с.
9. *Семёнова С. Г.* Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С. Г. Семенова и А. Г. Гачева. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 3—33.
10. *Смирнов С.* На острие времени. Городскому семинару имени А. И. Вейника — 35 лет; промежуточные итоги. Иваново: ПресСто, 2012. 87 с.
11. *Уилсон Р. А.* Психология эволюции. М.: Янус, 1998. 295 с.
12. *Хокинг С., Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н.* Большое, малое и человеческий разум. СПб.: Амфора, 2012. 190 с.

EURONOUS (ЕВРОПЕЙСКИЙ РАЗУМ)

УДК 32.019.51 + 130.2
ББК (С) 60.56 + (Ю) 87.6

Зоран Милошевич

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

В статье анализируются приемы, способы и модели визуализации национальной идентичности сербов и формирования политического сознания в средствах массовой информации на примере боснийской газеты «Дневни аваз».

Ключевые слова: национальная идентичность, религия, политика, средства массовой информации, этика.

Об антагонистической модели формирования идентичности

Сегодня средства массовой информации играют значительную роль в актуализации конфликтов и разжигании ненависти к «другим» во всем мире. Средства массовой информации на территории бывшей Югославии в недавнем прошлом являлись наиболее эффективными «машинами по производству врагов». Для того, чтобы расквитаться со своими ненавистными оппонентами, они использовали простые модели и легко узнаваемые стереотипы.

Наиболее распространенной была модель антагонизма, в рамках которой всегда было четко определено (разведено) «добро» и «зло». Согласно этой схеме, «Мы» — самый лучший, самый умный, самый сильный, самый красивый и самый древний народ, «Мы» настолько «самые», что у нас даже поражения особенные, потому что «Мы» — на стороне истины; «Они» — злые, самые плохие, виновные в прошлом, настоящем и будущем. Газетные тексты и

Материал поступил в редакцию 16.05.2013; рекомендован к публикации 14.06.2013.
Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор философских наук, доцент Д. Г. Смирнов.

телевизионные программы, созданные по модели антагонизма, во время войн девяностых годов часто находились на грани эксцентричности. Эксцентричной была и типичность попыток выделить «свой» народ, принижая при этом «другой», весьма заметная на территории бывшей Югославии.

Столкновения на территории бывшей Югославии завершились подписанием Дейтонского мирного соглашения. Хотя война и окончена, антагонизм в большей мере сохранился между новообразованными государствами, где присутствует и по сей день. Многие средства массовой информации продолжают подчеркивать геополитические различия, непременно обвиняя другую сторону в развязывании войны, национализме и экстремизме. Абсолютизирование стереотипов и различий неминуемо приводит к нагнетанию ненависти в средствах массовой информации [13, с. 49], что особенно заметно на примере «Ежедневного голоса»¹. Для журналистов и владельца «Голоса» война не окончена, а продолжается с использованием других средств — социальных технологий.

Распад Советского Союза, Варшавского пакта (ОВД) и Югославии, с одной стороны, и появление Евросоюза и усиление позиций НАТО, с другой, свидетельствуют о двух противоречивых процессах. В первом случае советская и югославская идентичности быстро забыты и заменены этнической и региональной идентичностью², а во втором случае этнические и региональные идентичности оставлены в пользу европейской [об этом: 12, с. 253].

Одна из новых идентичностей, возникших на территории бывшей Югославии, и есть «бошняцкая», с помощью которой осуществлен давно задуманный проект Австро-Венгрии³ об отделении мусульман Боснии и

---

¹ *Примечание:* «Ежедневный голос» был основан в 1993 г. в Сараево как ежемесячное издание под названием «Бошняцкий голос». В 1994 г. он был переименован в «Голос» и стал выходить каждую неделю, а в 1995 г. перерос в газету под настоящим именем.

² *Примечание:* термин «идентичность» латинского происхождения; его корнем является слово *idem*, означающее «то же самое». Слово *identitas* можно перевести как «одинаковость» или «тождество». Так, «идентичность» означает соотношение, согласно которому какое-либо существо, явление или свойство тождественно само себе. В этом смысле понятие «идентифицировать» означает «отождествить». Идентичность, в соответствии с этим, означает важные свойства какого-либо предмета или существа, следовательно, то постоянное свойство, которое, например, делает камень камнем.

³ *Примечание:* «Со времени их отделения от православной веры и сербской нации в ходе турецкой оккупации сербских земель, боснийские мусульмане, так же, как и мусульмане Рашки, находятся в поисках своей идентичности. После ухода "босфорского больного" из

Герцеговины (БиГ) от сербского национального корпуса, противопоставлении новой нации («бошняков») сербам, а также создание подходящей ситуации для перевода сербов в новую нацию и религию (ислам)⁴, с проверенной атлантическим союзом системой ценностей и политическим определением. Вслед за этим — воспрепятствование идее объединения всех сербов в одном государстве, Великой Сербии, которую почти всегда упоминают в негативном смысле.

«Дискуссия об идентичности»: очертания европейского дискурса

Эту дискуссию об идентичности начал Европейский союз, с целью создания подходящих условий для трансформации национальных идентичностей в глобальную, европейскую. По этой причине посредством научных и информационных проектов «возникла» проблема идентичности, а основной опорой этой облавы Брюсселя на национальную идентичность стали некие неправительственные организации, СМИ и часть научного сообщества, ориентированная на получение прибыли, не ради объективного научного исследования идентичности, а с целью ее трансформации. Научные журналы и СМИ заполнили статьи, отчеты и передачи, которые, как правило, выступали против национальных идентичностей и указывали на их «вред»⁵.

Такие действия ЕС в известной мере можно понять. Решения его учреждений все больше влияют на жизнь населения, что означает, что вся территория ЕС не может быть сведена только к рынку (экономической интеграции), а его учреждения должны быть приняты европейскими гражданами. «При этом проблема легитимизации политической системы тесно связана с формированием европейской идентичности. То есть, считается, что

Европы появилась надежда, что мусульмане вернуться под крыло сербской нации. Но тогда другой завоеватель, Австро-Венгрия, сделал все, чтобы полностью отделить их от сербской идентичности, в основном двумя способами: через конструирование "боснийской нации", как искусственной, политической нации и посредством сохранения турецкой, феодальной аграрной системы, которая препятствовала возможному сербскому определению боснийских мусульман» [17, с. 423].

⁴ *Примечание:* «Ежедневный голос» популяризирует каждое действие сербов по переходу в другую веру, т. е. к «бошнякам» [См., напр.: ДА 1.03.2013].

⁵ *Примечание:* в Западной Европе создателем негативного мнения о нации и национальном является Римско-католическая церковь, которая видит в этом что-то особенное и историческое, что-то, у чего есть начало и конец, что слегка напоминает отношение к национальной идентичности в исламе. См. об этом: [8, с. 109—113].

без формирования европейской идентичности не может быть легитимизации Европейского союза» [20, с 139].

Начиная с восьмидесятых годов прошлого века, идентичность, наряду с понятиями конфликта, интереса и силы, является одной из важнейших категорий политической науки [См.: Там же, с. 140]. Идентичность часто рассматривают как нечто, дающее политическо-эмоциональную легитимность. Другими словами, коллективная идентичность определяет действия людей, и важна не только для последователей какой-либо идентичности, но и для центров силы. Особенно важны коллективные идентичности, так как они оказывают влияние на эффективность и (не)стабильность политической системы [См.: Там же, с. 141]. Однако, когда рассматривается европейская идентичность, или идентификация населения Европейского союза с этим творением глобалистов, то, по мнению значительного числа исследователей, ее формирование возможно исключительно посредством «формирования спроектированной идентичности» [Там же, с. 142].

Понятно, что такой значительный общественный и политический феномен как Европа должен иметь фундамент, а идентичность как раз является одной из сторон сообщества и фундаментом Европы: проще говоря, «без идентичности Европа — ничто!» [14, с. 511]. Идентичность Европы, согласно Радовану Павичу, состоит из античного греческого наследия, римского права и латинского языка, еврейско-христианского наследия, развития искусства, которого не было у других, цвета кожи (белый) европейских народов, которые преимущественно принадлежат к индоевропейской языковой семье; Европа — родоначальница демократии, верховенства права и носитель идеи свободы. Европа обозначила весь мир путем колониальной политики и европеизации других частей света (мир европеизировался) [Там же, с. 512—513]⁶.

Некоторые процессы идут на руку глобалистам и сторонникам разрушения национальных идентичностей. Например, развитие современной информационной экономики, ее выход за рамки традиционных национальных

---

⁶ «А это означает, что ислам не может быть составляющей европейской идентичности, потому что он — иностранная, восточная, с мечом введенная/ввезенная религия» [14, с. 512]. *Примечание:* данный факт поднимает вопрос об интеграции «бошняков» в новую европейскую идентичность, потому что если ислам не европейский и не приемлем в качестве сегмента европейской национальной идентичности, тогда и поддержка формирования этой идентичности боснийско-герцеговинских мусульман ограничена по времени, скорее всего, до момента разрушения сербской идентичности и государства. Ср.: [5].

государств, формирование транснациональных компаний и корпораций, развитие современных средств коммуникации и процессы глобализации. Однако, возникает и сомнение в этих ценностях — как бы они не привели к обновлению межнациональных и межэтнических конфликтов. Современная постнациональная экономика бросила новый вызов традиционным образцам коллективной идентичности — национальным. Век массовой миграции и процессов глобализации, в которых главное слово остается за средствами массовой коммуникации: телевидением, кино и интернетом, поднимает логичный вопрос о дальнейшем существовании суверенитета национальных государств [7, с. 233].

Так, «в современных теоретических подходах к идентичности отмечается, что идентичность — динамичное явление, выстраиваемое в процессе. Здесь часто говорят о выстраивании, перекраивании или конструировании идентичности. При таком подходе подразумевается, что при создании идентичности существует некий план или проект, на основании которого она может быть реализована. Проекты составляют и выполняют определенные группы и отдельные лица. В литературе такие группы называют *элитой*» [15, с. 210; см.: также 9]. Уже сказано, что для существования и укрепления национальной идентичности необходим (и) враг [См.: 4]. В случае с «бошняками» очевидно, что это сербы.

В словаре понятий многих народов и культур, враг зачастую является варваром: «когда речь идет об отношении к другому, иностранному и различному, мы находимся в позиции транскультурного оценивания. Оно отсылает нас к одному весьма старинному слову, которое часто используется и в наши дни: *варварство*. Когда-то, после войны с персами, в Греции установился обычай деления всего населения мира на две неравные части: *греков*, то есть "нас", и *варваров*, то есть, "других", "иностранцев"» [1, с. 20]. Этот образец применяется и в процессе создания идентичности «бошняков», где роль врагов и «варваров» отдана сербам.

Идентичность и интеллектуальная ориентация

Но проблема не так проста: разрушение национальной идентичности и создание новой — европейской или «бошняцкой»! Как свидетельствует Эрих

Фромм: «Если у человека нет субъективно удовлетворяющей его системы ориентации, он не может быть психически нормальным» [18, с. 54]. Другими словами, идентичность есть вопрос и психического здоровья, а не только политического видения. Поэтому люди твердо придерживаются этнической и религиозной идентичности (в зависимости от условий), так как это дает им чувство причастности, а вместе с тем и здоровья. Разрушение национальных идентичностей может вызывать у людей и массовые психические заболевания, поэтому кажется, что в пропаганде «бошняков» против сербов можно заметить патологию ненависти, или, как бы сказал Фромм, «компенсаторного насилия».

Э. Фромм подчеркивает: «Принято считать, что проблема чувства тождественности является чисто философской и имеет отношение только к нашему разуму и мышлению. На самом деле это не так. Потребность в чувстве самотождественности проистекает из самих условий человеческого существования и, в свою очередь, служит источником наиболее сильных стремлений. Поскольку при отсутствии чувства Я невозможно сохранить душевное здоровье, человек вынужден делать чуть ли не всё что ни попадя, лишь бы обрести это чувство. Именно эта потребность скрывается за страстным стремлением достичь общественного положения и вместе с тем не отличаться от остальных, причём иногда она оказывается даже сильнее, чем потребность в физическом выживании» [Там же, с. 52—53]. Исследователь показывает, что идентичность формирует и интеллектуальную ориентацию: «Следствием того, что человек обладает разумом и воображением, является не только настоятельная потребность в чувстве тождественности, но и необходимость интеллектуальной ориентации в окружающем мире. Её можно сравнить с развитием физической ориентации в первые годы жизни, когда ребёнок начинает самостоятельно ходить, прикасаться к предметам и обращаться с ними, зная, что они собой представляют. Однако это овладение способностью ходить и говорить — лишь первый шаг на пути к ориентации» [Там же, с. 53].

Нация создается, когда появляются необходимые для этого условия, но, по мнению Младена Звонаревича, все начинается с экономики, т. е. с изменений в экономических отношениях; затем следуют изменения в социальных отношениях (разрываются существующие отношения между сельчанами и городским населением, элитой и народом), что приводит к переменам в идеологической и политическо-административной сфере (в этом смысле важную роль в создании идентичности играет государство). Далее

следуют изменения в психологической сфере, когда ощущение группоцентризма трансформируется в ощущение *этноцентризма*, т. е. ощущение принадлежности к одному (новому) народу [См.: 21, с. 482—484].

Для идентичности жителей Балкан, особенно сербов, важен тот факт, что в геополитическом смысле Балканы определяются как «промежуточная территория» [См.: 10] или как «мост между различными ступенями развития» [12, с. 1]. На деле это означает, что данная промежуточная территория часто меняет «хозяина», а идентичность народов Балкан подвержена частым трансформациям и давлению. Для сербов, как известно, наиболее трагичным периодом было время утери средневековой государственности и несколько веков османского рабства, что привело к деконструкции национальной идентичности, созданию условий для прозелитизма и перевода/перехода сербов в неправославные религии, что, в свою очередь, послужило основой для возникновения новых идентичностей, прежде всего хорватской и бошняцкой.

С точки зрения социальной группы (нации, класса, расы), на основании описанной ситуации и формируется отношение к другому, различному или иностранному. Выделяют два основных вида подобного отношения: замкнутость на себе и открытость по отношению к другим [1, с. 33]. У боснийско-герцеговинских мусульман, в чем читатель может убедиться посредством просмотра изданий «Ежедневного голоса», это правило проявляется в замкнутости по отношению к сербам и Сербии и открытости по отношению к туркам и Турции. На этой промежуточной территории не следует упускать из виду историческую подоплеку, а также нарушенные внутренние экономические отношения и привилегии участников власти.

Намеренная замкнутость по отношению к среде, из которой мы произошли, в социологии считается показателем варварства, тогда как признание множественности групп, обществ и культур, то есть наделение других такими же правами является частью (новой) цивилизации и цивилизованного поведения [См.: Там же]. Другими словами, можно заключить, что поведение журналистов и политического центра власти, стоящего за «Ежедневным голосом» (и другими СМИ, которые следуют политике ненависти к сербам), является варварским.

С позиции культурного эгоизма, национализма, расового и религиозного презрения⁷ легко перейти и к строгому разделению между «тем, что является моим» и «тем, что является твоим», между людьми из группы и людьми вне группы. В описанных случаях речь идет об инстинктах. Согласно психоаналитической теории, они отсылают к групповому существованию людей и в определенных социальных условиях могут принимать регрессивные и примитивные формы. Подобный вид инстинкта проявляется в нетерпимости по отношению к отдельным лицам вне группы и проецировании агрессивности на другого» [Там же]. У мусульман в БиГ это, вероятно, основано и на ошибочном толковании религии, которое развивает и подтверждает жизнь только в своем сообществе, вне которого живут враги. Статьи «Ежедневного голоса» о сербах свидетельствуют о том, что часть мусульманской элиты стремится этнически дистанцироваться от сербов и укрепить это расстояние, что с точки зрения объединенного государства говорит о политическом иррационализме.

Информационная война и феномен компенсаторного насилия

Понятие агрессивности предшествует понятию насилия. В статьях «Голоса», так же, как и у части сараевской мусульманской элиты, просматривается агрессивность по отношению к сербам. Э. Фромм дает определение агрессивности как поведения, посредством которого человек наносит или пытается нанести вред другому человеку, животному или неживому предмету [См.: 2, с. 55—56]. Сообщества, бывшие жертвой агрессии, а большая часть мусульман на Балканах была переведена в ислам именно путем применения агрессивных форм поведения, в определенных условиях или во время войны развивают подобные формы агрессивности и применяют их по отношению к своим старым или новым врагам [См.: Там же, с. 58—59].

---

⁷ *Примечание:* часть сараевской «бошняцкой» псевдоэлиты часто выказывает ничем не оправданное презрение и пренебрежение, уверенность в том, что они — лучшие, всегда правы и все являются жертвами «плохих» сербов. Конечно, если рассматривать это в контексте социально-политической реальности БиГ, это покажется странным, потому что псевдоэлита выступает не за лучшую жизнь, развитие науки, искусства, повышение уровня жизни, а за одну только деструктивную идеологию. В этом смысле можно было бы грубо заметить (в духе ненависти со стороны «Голоса»), что подобные люди олицетворяют рецидив «босфорского больного», который не смирился с реальностью, а трансформировался в «больного с Миляцки».

Агрессивность, проистекающая из фрустрации, сродни ненависти, вызванной ревностью [19, с. 17, 21]. Зависть и ревность — особые формы фрустрации. Разочарованные люди легко начинают ненавидеть, потому что ненависть, как пишет Фромм, превращается в *компенсаторное насилие*, каковым, помимо прочего, является и информационное. К такому виду насилия прибегают лица и сообщества, не способные к продуктивной деятельности, что отражает их неспособность сделать что-то положительное и приводит их в безысходное состояние психоза (мы понимаем это как состояние нарциссизма, в котором обрываются связи с реальностью, когда сообщество или человек представляет себя в качестве критериев добра и зла).

История философии — это история забвения, как заметил Теодор Адорно. «Экспресс-история поддерживает возвеличивание настоящего. Очевидно, сегодняшние банальности приобретают глубину посредством утверждения, что мудрость прошлого, наряду со всеми своими достоинствами, все же принадлежит прошлому. Высокомерие пришедших позже украшается утверждением, что прошлое умерло и исчезло» [22, с. 25]. Мусульман на Балканах, особенно в БиГ, на территории распространения сербско-православной культуры рассматривали как отклонение от исконной сербской идентичности. Именно этот факт выделяет Запад и сами «бошняки» (в кавычках, потому что это не естественное этническое сообщество, а народ, созданный, как правило, из сербского этнического «материала» путем прозелитизма, различного насилия, похищения людей за время турецкой, австро-венгерской и американской оккупации БиГ) [См.: 11]. У некоторых мусульман в БиГ возникла «идентификация с агрессором». И по сей день наблюдается их идентификация с турками⁸, а также с американцами, которые, несомненно, совершили открытую агрессию на Югославию, разрушили ее, а потом «привели в порядок» по своему усмотрению. Именно посол США в Сараеве выступает как формальный глава боснийско-герцеговинской державы. США перестраивают БиГ и строят планы, а бошняцкие политики безоговорочно соглашаются с тем, каким должен быть порядок в государстве, идентичность и т. п.

---

⁸ *Примечание:* известный российский геополитик Александр Дугин верно указывает, что истина южнославянских мусульман состоит в том, что они представляют исламский, «оттоманский» геополитический фактор в Европе. Турция является выражением атлантических стремлений, так как «псевдоисламская Турция стала надежным оружием в руках атлантистских политиков» [3, с. 395].

Вместо заключения

Отношения представителей трех различных культур (конфессий) в Боснии и Герцеговине (БиГ) после войны 1992—1995 гг. были урегулированы Дейтонским мирным соглашением, однако информационная и политическая битва продолжается до сих пор при весьма активном поощрении и поддержке из иностранных центров власти. В этом смысле средства массовой информации представляют собой надежным индикатор направления развития политики в государстве.

Конфликтные отношения между носителями различных образов жизни (таких, как американский и сербский) или различных миров цивилизации всегда выражаются в культурной войне [6, с. 215]. Встает вопрос, не используют ли американцы «бошняков» для ведения культурной войны с сербами, что вызывает вопрос об истинности идентичности мусульман в БиГ, так как сконструированная таким образом идентичность становится источником агрессивности и бед.

Библиографический список

1. *Божиловић Н.* Култура и приказивање разноликости // Култура полиса. 2012. Бр. 18. С. 19—42.
2. *Bohak J.* Religija in nasilje — psihoanalitski pristop // Religija in nasilje, Jan Assmann in drugi, uredila: Iztok Simoniti in Peter Kovačič Peršin, Fakultet za društvene vede. Revija 2000, Ljubljana, 2008. С. 55—60.
3. *Дугин А.* Основы геополитике. Књ. 1: Геополитичка будућност Русије. Зрењанин: Екопрес, 2004.
4. *Евгеньева Т. В., Селезнева А. В.* Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // Полития. 2007. № 3. С. 83—92.
5. *Kalanj R.* Modernizacija i identitet. Zagreb: Politička kultura, 2008. 448 str.
6. *Кропотов С. Л.* Сцена террора в культурных войнах: проблемы воображаемой общности и политики идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 215—232.

7. *Лукина А. В.* Технологии производства и утверждения национальной идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 233—252.
8. *Милошевић З.* Друштвена доктрина Римокатоличке цркве. Београд: Институт за политичке студије, 2001.
9. *Милошевић З.* Од Малоруса до Украјинаца. Источно Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства, 2008.
10. *Milošević Z.* Geopolitika. Brčko: Evropski univerzitet, 2013.
11. *Nojman Iver B.* Upotrebe drugog «Istok» u formiranju evropskog identiteta. Beograd: Službeni glasnik, Beogradski centar za bezbednosnu politiku, 2011. 292 str.
12. *Nicolosi R.* Dijaloška tolerancija, konstrukcija bosanskog kulturnog identiteta i uloga islama (devedesete godine) // Sveske. 2013. Br. 27—28.
13. *Obradović N.* Medijska prezentacija nacionalnih stereotupa kroz analizu dnevne štampe Srbije, Bosne i Hercegovine i Hrvatske. Niš: Master rad, Filozofski fakultet, 2012.
14. *Pavić R.* Što je Europa, ili — pitanje identiteta // Arhiv. 2009. Br. 1. С. 509—519.
15. *Petrović D.* Anatomija identiteta // Etnološka istraživanja. Zagreb, 2006.
16. *Сагумова Л. В.* Этнорегиональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 253—282.
17. *Суботић М.* Република Српска: двадесет година борбе за опстанак // Српска политичка мисао. 2012. Бр. 2. С. 421—441.
18. *From E.* Zdravo društvo. Zagreb: Naprijed; Beograd: Nolit, 1986. 281 str.
19. *From E.* Človekovo srce. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1987. 146 str.
20. *Cipek T.* Politike identiteta Evropske unije: u «potrazi za kolačićima male Madeleine» // Anali. 2005. Br. 1.
21. *Zvonarević M.* Socijala psihologija. Zagreb: Školska knjiga, 1985. 741 str.
22. *Džekobi R.* Društveni zaborav. Beograd: Nolit, 1981. 182 str.

RUSNOUS (РОССИЙСКИЙ РАЗУМ)

УДК 130.2

ББК (Ч) 71 + (Ю) 87.2

Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.

ФИЛОСОФИЯ И СЕМИОТИКА НООСФЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ (ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ)

В статье анализируются религиозные и философские аспекты ноосферной идентичности, понимаемой как соответствие той или иной культуры системе высших ценностей, сформированных моделями жизнебытия и месторазвития.

Ключевые слова: ноосферная идентичность, коэволюция религиозного сознания, веровательная идентичность, локусы культурной идентичности.

Проблема идентичности актуальна не только для России, но и для всех полиэтнических, многонациональных, поликонфессиональных государств современного мира. В течение долгого времени исследования идентичности акцентировали внимание на этно-национальных и религиозных моментах, разрабатывались вопросы, связанные с персональным измерением идентичности. Современная тенденция изучения проблемы состоит, на наш взгляд, в определении фундаментальных оснований и критериев идентичности.

Материал поступил в редакцию 13.05.2013; рекомендован к публикации 14.06.2013.
Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор социологии, профессор З. Милошевич. *Примечание:* настоящая статья является переводной. Текст статьи на сербском языке опубликован в материалах научной конференции «Религия и идентичность», прошедшей в мае 2013 года в Белграде на базе Института политических исследований [Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Философија и семиотика ноосферног идентитета: религиозни аспект (опште и посебно) // Национални идентитет и религија: Научни скуп. Београд: Институт за политичке студије, 2013. С. 9—22.]

Философско-аксиологические основания ноосферной идентичности

Каждая культура обладает своей масштабностью и форматом разумности. Мера индивидуального и коллективного разума для каждого времени также своя. Эпохи научных революций приучили человека думать, что разумность и рациональность являются синонимами. Однако в неклассической и постнеклассической моделях понимания мира разумность приобретает более широкий смысл. Она имеет общекультурный формат, то есть определяется сложной соподчиненностью художественных, религиозных, философских и научных смыслов. Разум и сознание именно в таком смысле понимается в творчестве В. И. Вернадского, в его учении о переходе биосферы в ноосферу [См.: 18].

В философии сознания соотношение категорий «сознание» и «самосознание» столь же существенно важно, как и категорий «подсознание», «сознание» и «сверхсознание». На пересечении этих категориальных координат строится не только представление о Разуме (с большой буквы) и коллективном разуме, но вся система самосознания, которая на уровне культурологии, политологии и социологии обозначается термином «идентичность». Идентичность коллективного и индивидуального разума формам конкретно-исторического бытия человечества может быть обозначена как ноосферная идентичность.

Для каждой культуры существует своя матрица ноосферности. В атеистических, материалистических и позитивистских культурах считалось, что главными характеристиками ноосферности являются научное сознание и научное мышление, в целом научная картина мира. Постнеклассическое прочтение реалий бытия современного человечества заставляет пересмотреть эту сциентистскую редукцию. Ноосферная идентичность высокоразвитых культур определяется многотысячелетними религиозными традициями. Каждая мировая религия (и культура) задает свои специфические черты поведенческой ноосферности (ноосферной этологии и праксиологии), а все вместе мировые религии дают представление о фундаментальных, глубинных смыслах человеческого бытия на протяжении универсальной истории. «Мировые религии всегда выполняют функции *реликтовых программ* поведения, общения, деятельности во вселенной человеческого бытия; философские системы (которые не умирают и всегда остаются актуальными формами) могут

рассматриваться как вечные программы прошло-настоящести, а наука предстает как система исследовательских программ настояще-будущности» [14, с. 485].

Ноосферная идентичность формирует представление о системе работающих высших ценностей, которые сложились в универсуме человеческой религиозности и выражаются триадами «Вера — Надежда — Любовь», «Истина — Добро — Красота», «Бог — Человек — Вселенная», «Человек — Общество — Природа» [См.: 13]. Таким образом, ноосферная идентичность является экстраполяцией системы общечеловеческих ценностей, сложившейся в истории развития мировой философской мысли.

Семиологические основания ноосферной идентичности

В семиотическом плане идентичность представляет собой возможность отождествления себя («Я») с определенными большими или малыми социальными группами как отдельно взятой культуры, так и человеческого общества в целом. Критерием соотнесения себя с той иной группой является реализация типического (типичного или стереотипичного) семиотического поведения.

Глобализация, затрагивающая в настоящее время все большее количество сторон материальной и духовной жизни социума, стирает эти видимые различия, семиотические границы идентичности. Анализ языка, традиций, внешности предоставляет лишь вероятностное знание о культурной принадлежности (идентичности) личности. Идентичность выступает как атрибут соответствующего семиотического субъекта, зачастую определяемая им самим, и в этом смысле, действительно, правомерно вести речь о персональной идентичности.

Интерперсональная идентичность, т. е. возможность отождествления себя и Другого, узнавание себя в Другом, предполагает достаточно широкую критериальную базу. Интерперсональная идентичность обуславливается невидимой эквивалентностью, «тождественностью» разума, сознаний или, точнее, равнозначностью семиотических компетенций и способов реализации семиотических программ. Таким образом, эту идентичность можно определить как идентичность ноосферную.

Знакомство, освоение и использование личностью знаковых и символических единиц — это лишь первая, ступень на пути к обретению определенной идентичности. Суть ноосферной идентичности заключается не только в использовании одинаковых знаковых единиц, приверженности одним и тем же символам.

Вопрос об идентичности, если понимать его в онтогносеологическом контексте, предполагает обращение к аспектам, которые способствуют становлению мировоззренческой соотнесенности. Исследовательский акцент переносится с субстратного уровня семиотических единиц (знаков и символов), на уровень свойств и отношений в системе «миров» идентичности [См.: 16].

Ипостаси общечеловеческой идентичности

С нашей точки зрения, можно говорить о феномене обретения идентичности через освоение семиотической реальности соответствующей культуры, которая выстраивается дополнительностью четырех измерений бытия человека и социума — художественным, религиозным, философским и научным.

По В. С. Соловьеву, «воздействие искусства как на природу вещей, так и на душу человеческую допускает различные степени, может быть более или менее глубоким и сильным» [17, с. 352]. П. А. Флоренский рассматривает символы (в том числе и связанные с искусством) в качестве органов человеческого общения с реальностью. «Изображением мы видим реальность, а именем — слышим ее; символы — это отверстия, пробитые в нашей субъективности» [19, с. 344]. Идентичность в этом контексте предполагает обнаружение некоторой «объективности», как основания сходности восприятия. С. Т. Махлина, проводя сравнительно-семиотический анализ сакрально-религиозных представлений шаманизма, иудаизма (каббализма), католицизма, православия, буддизма, обнаруживает одну объединяющую, системообразующую идею — идею единого Бога, «но каждый регион, каждая национальная среда приходят к этому разными путями» [10, с. 3]. С точки зрения Л. С. Леоновой, В. И. Вернадский видел в религии «особую форму культуры, духовный элемент личного бытия, возвышающий человека над мимолетным настоящим, вдохновляющий человека на осознание ценности духовных начал жизни"» [9, с. 287].

С религией непосредственно связаны такие проявления духовного бытия человека, как философия и наука. «Философское миропредставление в общем и частностях, — пишет В. И. Вернадский, — создает ту среду, в которой имеет место и развивается научная мысль» [3, с. 30]. «Мы видим только, что огромная область явлений, имеющих свой научно закономерный, теснейшим образом связанный с социальным строем, а в конечном итоге со строением биосферы — и еще более ноосферы — мир художественных построений, несводимых в некоторых частях своих, например, в музыке или зодчестве, сколько-нибудь значительно к словесным представлениям — оказывает огромное влияние на научный анализ реальности» [Там же, с. 147]. Именно в рамках этого философского знания рождается идея (эмпирическое опережающее отражение) «единства всего человечества, людей как братьев» [Там же, с. 37].

По поводу научной мысли В. И. Вернадский писал: «Мне всегда казалось — и кажется — что и моя одинокая, никому не сообщаемая мысль как факт и явление природы не исчезнет и не проходит бесследно для единого» [2, с. 220]. При этом наука и научная мысль есть «проявление действия в человеческом обществе, совокупности человеческой мысли» [3, с. 47]. Научная мысль в этом контексте выступает в качестве показателя определенной интеллектуальной идентичности.

Вместе эти мировоззренческие составляющие формируют картину окружающей реальности, соответствующую ей парадигму мышления. Если принять во внимание положение Вяч. Вс. Иванова о том, что «в истории культуры отбираются те именно знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы (в понимании П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского)» [6, с. 26—38], то можно сделать вывод формирования определенной семиотической парадигмы (программы), порождающей ноосферную идентичность, идентичность парадигм мышления.

В истории русской, российской, советской интеллектуальной элиты, интеллигенции, следует обратить внимание на социокультурный потенциал (код), сосредоточенный в реализованных ее конкретными представителями (В. И. Вернадский, А. Ф. Лосев, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, П. Н. Флоренский, К. Э. Циолковский и другие) семиотических программах. Изучение этих семиотических «образцов» (парадигм) заключается не столько в

копирования самих социокультурных программ, сколько в принятии семиотического кода поведения в универсуме [См.: 11].

Вероятельная идентичность: русскость как общее и особенное

Размышления о русском характере и русской душе в наше время актуальны как никогда. Причина в том, наша русскость и российскость уходит в прошлое такими быстрыми темпами, что может статься через двадцать лет она окажется не реальностью, а виртуальностью — «знаем, что было, но этого уже нет, все выморочено либо «глобализацией», либо «западнизацией» (что в наше время — фактически одно и то же). Абстрактные понятия «русскость» и «российскость» могут показаться некими несуразностями, ибо не на слуху термины «американскость» или «европейскость», «грузинскость» или «украинскость», но важно, что проблема этой торжествующей абстракционности не в лингвистических, и даже не политических аспектах, а в эколого-культурологических. Проблема в том, что эти термины обозначают то, чего уже, может быть, просто не существует. Именно поэтому и следует задать какие-то однозначные концепты, для получения смыслов. Русскость, на наш взгляд, — это этнический (национально-культурный) концепт, а российскость — это государственнический (геополитический) концепт.

Весьма вероятно, что правильно понятая русскость органично превращается в российскость: корневая русскость — это самый сильный ресурс сохранения российской государственности. Доказательством этому служат те исторические события, которые сейчас рассматриваются как прекращение «русской смуты» в эпоху «феодальной войны» (XV века) и «польско-шведской интервенции» (XVII века) [См.: 5, с. 3, 6]. «Стародубская русскость» спасла Русь первый раз от «внутренней» смуты, а затем «мугреевская русскость» (та же «стародубская») — от смуты «внешней». В течение долгого времени наше историческое сознание было оторвано от этого сакрального исторического знания и наследия, но сейчас эта старина прорастает в мир современного русского и российского мировоззрения...

Старообрядчество как идентичность: «схроны» народной русскости

Наша нынешняя история свидетельствует об обратном: не из глубинки в столицу идет смыслообразующая идея русской и российской структуры, а, наоборот, из столицы задаются концепты и смыслы бытия для «стародубской традиции». Столичная экспансия должна не только радовать, но и настораживать: деградация «региональности» и «провинциальности» для будущего России может стать — главная беда, ибо именно провинция хранит в «схронах» (подвалах, погребах, чердаках и сараях) самую нужную сегодня для возрождения русскости информацию (семиотический универсум исторической русскости и российскости).

Д. С. Лихачев в статьях «Заметки о русском» и «Экология культуры» заложил основу «инвайронментологии» и «экологии» русской культуры. Метаисторическая социокультурная программа сохранения *русского*, заложенная в жизненный путь «патриарха древнерусской культуры», станет более понятной, если мы обратимся к информации, долгое время не озвучивавшейся в СМИ. Внучка Д. С. Лихачева, отвечая на риторический вопрос «Ваш дед похож на русского немца?», рассказывает: «Нет, он по матери из старообрядческой семьи, из купцов-старообрядцев...» [«Хроники», канал «Культура», 28.11.2007]. Не из этого ли факта берет свое начало *обретение русского*? Как бы то ни было, но это дает нам возможность более внимательно перечитать все лихачевское наследие под углом главного смысла существования медвежьего угла Замосковского края — *сохранения* на территориях, примыкающих к руинам Стародубского княжества, *русского хронотопа*, который может быть обозначен как «акватория старой веры».

«Русская Атлантида», ушедшая в болота, и доселе хранит архетипы бытия старой веры. Насколько недоступной была эта территория, говорит следующий сюжет, взятый из рассказа К. Бокарева «Мужание без отцов». «...Мне подсадили ученика из деревни Гоголи. Интересный был парень. Он рассказывал о своей деревне так: «Мы там живем, как в отдельном государстве. У нас свои законы. Районное начальство мы к себе не пускаем. Приедут, кричат-кричат, чтобы их перевезли через Лух на лодке, а мы будто и не слышим. Так постоят, покричат полдня и уедут обратно. А что от них ждать — или налог какой или новый заем. А мы хорошо живем. Рыбы в реке много, сетями ловим, не удочкой. Удочка — это детская забава. Лодки и ружья в

каждом доме есть. С мясом круглый год. Хоть птица какая, хоть зверь. Завалишь лося — и всю зиму с мясом» [1, с. 106]. Вот это и есть «акватория старого обряда» — *народный рай* со своей культурой быта и бытия.

К сожалению, в наше время эта культура становится уже почти невидимой, деревенская культура во всем ее локусном разнообразии стареет в век рыночного нивелирования необычайно быстро. *Собирание и сохранение культуры русскости* может оказаться в наше время важнейшим фактором самоидентификации в условиях формирования глобальной цивилизации [См.: 7].

Локусы культурной идентичности: от «Стародубского княжества» к «Замосковному краю»

Один из локусов корневой русскости (феномен «настоящего русского», настоящего не в плане сегодняшнего, но «вечного» и неискоренимого) — это «территория старой веры», которая простирается *на восток* по Клязьме за территорию бывшего Стародубского княжества вплоть до нижегородских пределов, *на север* по Волге вплоть до Юрьевца и Унжи, *на запад* за Шую вплоть до Иваново-Вознесенска и Плеса. В более сильном варианте речь идет о совпадении «*территории старой веры*» со «страной», которую принято называть «Смирновией», включая значительную часть Костромской (Мир Сусанинских традиций) и Ярославской областей. Конечно, эта гипотеза (в том числе и то, что «Смирновия» и «*Ивания*» концептуально совпадают) требует исторической верификации, но теоретическое краеведение на нашей территории столь запущено, что любая самая необычная идея может оказаться весьма полезной для осуществления рывка в *потерянное* (как принято говорить в литературном краеведении «*потаенное*») прошлое.

Самый значительный проект по осуществлению «археологических раскопок» (к сожалению, сейчас приходится говорить именно о *раскопках*) феномена *старой и новой* замосковной русскости, российскости, советскости — это деятельность коллектива журнала «Наша Родина — Иваново-Вознесенск», во главе с М. В. Смирновым¹. Может быть, именно на этих нецензурированных страницах феномен *корневой культурной русскости*

---

¹ *Примечание:* см. выпуски журнала «Наша Родина — Иваново-Вознесенск» за 2006—2007 годы. Available from URL: <http://liga-ivanovo.narod.ru/nriv.htm>.

приобретает характер абсолютности, мировой открытости, которую иногда почему то называют «загадкой русской души». Имеющий «метаисторическое отношение» к истории нашего края Р. Штильмарк написал замечательную (и по нынешним временам актуальнейшую) книгу «Повесть о страннике российском» [См.: 20], в ней феномен глобальной русскости-российскости представлен как факт всемирной значимости: русскость как концепт планетарной везде-вечности (которую на современном наукообразном языке можно было бы назвать «ноосферностью»).

Тенденция культурно-языковой и семиотической экспансии «российскости» и «советскости» не только в европейский и американский мир за последние полтора-два столетия показывает, что этот процесс в масштабности своей полноты только начинается, и он необычайно беспокоит «сообщество золотого миллиарда». Именно в этом международном контексте феномен явленной русскости и российскости требует непредвзятой экспликации: мировой диалог культур в музее Д. Г. Бурылина [См.: 12], отзывчивый советский интернационализм Интердома около Куваевского леса в Иванове, глобализирующееся университетское пространство студенческой столицы Замосковского края — это все те признаки русскости и российскости, которые могут быть очень востребованными цивилизованным человечеством, готовящимся к эпохе мировой катастрофичности.

Сколько труда надо приложить краеведам и историкам, чтобы раскрыть это великое «стародубское наследие» из-под множества слоев «потемневшей олифы» истории края, сколько научных экспедиций надо снарядить, чтобы хотя бы в цифровом формате сохранить наследие предыдущего тысячелетия народной жизни! Все это заставляет задуматься о нашем реальном отношении к русскости и российскости: даже погосты уже закатаны асфальтом (в прямом и переносном смысле).

Ноосферная идентичность России строится на пересечении язычества и христианства, старой и новой веры. Феномен русскости-советскости, проявивший себя в последние полтысячелетия на пространстве, расширившемся от Стародубского княжества до Замосковского края, повелительно требует внимательного изучения.

Именно в этом, с нашей точки зрения, наиболее ярко и четко проявляется идеалистический, богочеловеческий (в смысле — не материалистический) мировоззренческий потенциал российскости. В такой направленности мысли и

деятельности раскрывается критерий российской ноосферной идентичности, а также роли ее носителей в мировом духовном развитии.

Вместо заключения

Поиск идентичности для всех субъектов глобальной истории оказывается способом выживания в условиях «дурной глобализации». Особенно это касается стран, которые находятся в точках бифуркации своей истории, что имеет место и по отношению к России и другим славянским странам. М. М. Пришвин говорил: «Не будь как все, будь как сам». Эти слова как нельзя лучше выражают сущность роли исторического субъекта в ноосферной истории [См.: 15]. Этнос, как и человек, проживая жизнь, каждую минуту становится не собой, изменяется, становится другим, но сохраняет свое имя (как сохраняет свое название река, «в которую нельзя войти дважды»). Так и Россия каждую эпоху меняет свое предназначение для мира, но остается собой.

Россия и Европа — это острая проблема, постоянно тревожащая умы российской интеллигенции. Как отмечал в 2009 году министра иностранных дел России С. В. Лавров, «...в отношениях России и других стран Европы были взлеты и падения, периоды гармоничного сосуществования и неприкрытой вражды, но за это время наша культура и история настолько переплелись, что пространство от Португалии до российского Дальнего Востока стало "полем" целостной европейской цивилизации» [См.: 8]. В силу этого идентичность, в том числе и религиозная, должна быть не полем вражды и скрытых угроз, а пространством «цветущей сложности». К выводу о том, что «многоуровневость идентичности — реалии нашего времени, и каждый уровень значим в тех или иных ситуациях» [4, с. 15], пришли участники международной конференции «Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость», проходившей в 2008 году в одном из самых (архе-)типических регионов России.

Сохранение этно-конфессиональной идентичности и процессы религиозной коэволюции представляют собой важную форму организованности ноосферной идентичности современного человечества.

Библиографический список

1. *Бокарев К.* Мужание без отцов // Откровение. Литературно-художественный альманах. 2005. № 11. С. 100—110.
2. *Вернадский В. И.* Биосфера. Мысли и наброски. М.: ИД Ноосфера, 2001. 244 с.
3. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. *Евсеев В. А.* К проблеме путей формирования общероссийской идентичности // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость: Материалы международной научной конференции. Иваново—Плес, 2008. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 12—15.
5. Епископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Иосиф «Святитель Митрофан Воронежский и российское духовно-культурное наследие. Выступление на круглом столе в рамках Дня Общественной палаты Ивановской области в Савинском муниципальном районе // Семейный круг: Газета. 2008. № 1.
6. *Иванов В. В.* О выборе веры в Восточной Европе // Природа. 1988. № 12. С. 26—38.
7. *Коваленко С. В., Ермолаева Л. К.* Архетипы национального характера: их место и роль в самоорганизации русского этноса. Иваново: Иван. гос. энергетический ун-т, 2008. 428 с.
8. *Лавров С. В.* О перспективах отношений между Россией и Европейским союзом. Available from URL: http://www.montreal.mid.ru/press/118_ru.html.
9. *Леонова Л. С.* «Я не могу уйти в одну науку...»: Общественно-политические взгляды В. И. Вернадского. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с.
10. *Махлина С. Т.* Семиотика сакрально-религиозных представлений. СПб.: Алетейя; Историческая книга, 2008. 172 с.
11. *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера. Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 128 с.
12. *Смирнов Г. С.* Музейная культура везде-вечности: синтез ноосферного сознания Д. Г. Бурылина // Меценаты русской провинции: история и современность. Иваново: Изд-во ИГИКМ им. Д. Г. Бурылина, 2012. С. 8—12.

13. *Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
14. *Смирнов Г. С.* Религиозная коэволюция: социокультурные коллизии в глобальном и региональном пространстве // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XII Международной научной конференции. В 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. Ч. 1. С. 484—490.
15. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
16. *Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.
17. *Соловьев В. С.* Красота в природе // *Соловьев В. С.* Сочинения. В 2 т. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 340—389.
18. Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение: в 2 т. М.: Философское общество СССР, 1990. Т. 1. 236 с.; Т. 2. 236 с.
19. *Флоренский П. А.* Мысль и язык // *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 109—350.
20. *Штильмарк Р.* Повесть о страннике российском. СПб.: Азбука-Кн. клуб «Терра», 1997. 349 с.

РЕЦЕНЗИИ

ОТЗЫВ

на диссертацию

Смирнова Дмитрия Григорьевича

«Онтолого-гносеологические основания ноосферной истории: универсумно-семиологический и системно-синергетический подходы», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (Иваново, Ивановский государственный университет, 21 декабря 2012 года)

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления и разрешения глобального противоречия, возникшего на всем современном цивилизационно-психологическом пространстве. Профессор Г. С. Смирнов удачно назвал его «*ноосферным конфликтом*». Глубокий анализ этой проблемы дан в статье А. П. Назаретяна «Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд»¹. На наш взгляд, основное цивилизационное противоречие эпохи постмодерна заключается в возникновении «ножниц» между тремя составляющими ноосферы — техносферой, социосферой и сферой бытия личности. В век компьютеризации и тонких технологий социум техницируется быстрыми темпами, а человек включается в технологическую систему как ее компонент. Разросшиеся функции мертвого бездушного автомата навязываются живому человеку как внутреннее состояние. Люди отвыкают от непосредственного восприятия мира, от живого созерцания, от искреннего выражения чувств. Святая святых, человеческое сознание теряет творческий потенциал, передавая функции

---

¹ См.: Назаретян А. П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 3—19.

мышления компьютеру. Укрепляется желание мыслить по стандарту, в определенной парадигме; говорить сухо, бесцветно, стереотипно. Личность нивелируется, обесмысливается. Существование человека в мире автоматов все более отдаляется от его «богочеловеческой» (по словам Вл. Соловьева) сущности. Налицо экзистенциальная ситуация, суть которой — антагонизм между техницизированным бытием в социуме и гуманитарной сущностью человека. Серое, бездушное, однообразное существование рождает психологический протест — в обществе усиливается агрессивность в отношениях между людьми, растут наркомания, алкоголизм, преступность, психические заболевания. Необходимо осмысление технико-гуманитарного конфликта современной эпохи и открытие новых смыслов для ее решения. Нужны поиски форм техно-гуманитарного баланса, разработка компенсаторных механизмов для живых людей, включенных в сложные компьютерные технологии.

Такой анализ проводится в диссертации Д. Г. Смирнова. Речь идет о том аспекте ноосферной реальности, который выступает как *ноосферная история*. В этом плане вопрос не ставился и не решался ни в философии истории, ни в ноосферологии, ни в социологии, ни в онтолого-гносеологических работах.

Автор исследует основания, структуру, предмет ноосферной истории с целью выявить и раскрыть сущность *всеобщего свойства ноосферности*, существование которого в истории человечества и бытии каждого человека определяет степень его реальности, обуславливает его целостность, жизнеспособность, творческий потенциал, физическое и душевное здоровье, а в этическом отношении направленность жизни к добру, истине, красоте.

Остановимся на некоторых, на наш взгляд, наиболее интересных аспектах диссертации. В чем основная *«интрига»* исследования? На наш взгляд, в том, что источник развития человечества автор видит не в экономических, политических и других противоречиях, разрешение которых приводит в движение большие *массы* людей, а в *информационной* составляющей человеческого бытия. Определяя ноосферу как *Универсум*, он принимает и системное определение, согласно которому ноосфера — системно организованное Всеобщее; уровень концепта (системообразующего свойства) занимает *информация*, структуры (системообразующего отношения) — *энергия*, субстрат — особого рода *«вещество»* (техника, социум и личность). До сих пор конфликты, разрешение которых двигало историю, касались только

субстрата, отчасти структуры системы. («Большая история», «малая история», «Универсальная история», «локальная история»). Но суть *ноосферной истории* в том, что доминантные составляющие ноосферы являются **концептуально-структурными, информационно-энергетическими**. И «правильное» развитие системы — от концепта и структуры к субстрату, *от свойств и отношений к вещам*, от информации к энергии, а затем и веществу.

В постнеклассический период развития науки и техники акценты истории сместились: помимо конфликтов «субстратного уровня» (противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой, личностью и обществом и т. п.) возникают противоречия информационно-энергетические, информационно-социальные, информационно-личностные и т. п., то есть концептуально-структурные (информационно-энергетические). Они-то и исследуются в работе. Прослеживается действие *основного ноосферного закона* в ноосферной истории человечества, а также действие *обратного семиотического закона*. Рассматривается возникновение и разрешение конфликтов между разными «пластами» ноосферы — техносферой, социосферой, сферой личностного бытия.

Задачи решаются с помощью современного методологического аппарата — семиотики (семиологии), системного подхода, синергетики, — который бурно развивается как в естествознании, так и в методологии науки.

Интрига сохраняется и развивается на структурном уровне организации текста. Исторический процесс рассматривается как развивающаяся *знаковая ситуация*. Содержательно — это движение истории от *неноосферного бытия человечества к доноосферному*, затем к *ноосферному*. Структурно предполагается усложнение знаковых ситуаций и знаковых систем — от знаков предметных к знакам-образам, знакам-понятиям, затем к знакам-символам.

Свойство ноосферности бытия проявляется с течением исторического времени все шире и глубже и придает историческому времени качество времени ноосферного. Понятие «историческое время» по содержанию и объему не совпадает с «ноосферным»: объемы этих понятий в отношении частичного совпадения — некоторые исторические времена являются ноосферными и наоборот. По содержанию суть исторического времени такова — это способ упорядочения событий социальной жизни (политических, экономических,

культурных, религиозных и т. п.); из хронологической последовательности событий выводятся эмпирические закономерности социального бытия. Суть ноосферного времени — обнаружить в развитии социума действие ноосферного закона и сверх того, определить *сущностное отношение конечных земных событий к безусловному началу*. Эмпирическое историческое время аналогично линейному, *профанному*, а ноосферное — циклическому, мифологическому, *сакральному*. Ноосфера — область бытия, охватываемая, контролируемая, управляемая *разумом* человека. Работа разума, ее результаты фиксируются *в информации* (концептуальный уровень системы ноосферы). Информационные процессы протекают, а их результаты фиксируются *в содержании культуры* человечества. Поэтому закономерно исследовать развитие ноосферной истории как истории культуры, рассматривая системообразующую роль культуры в становлении ноосферы. Диссертант решает эту проблему в *семиотической парадигме*, заключая, что процессы развития ноосферы — *синэргийные*. Развитие знаковой ситуации как генерация *ноосферных смыслов* имеет определенный вектор — движение от предметных знаков через знаки-образы, знаки-понятия к *символам*. Символ — специфическая форма знака, фиксирующая ноосферное событие. Символ — многосмыслен, причем смыслы меняются во времени и пространстве. Символы — высоко информативны, так как имеют высокий интерпретационный коэффициент. Поэтому они живут в разных исторических эпохах, в разных социумах. Символы — генераторы сакральных смыслов в которых фиксируется отношение временного и вечности. Существование такого типа знаков — необходимый признак ноосферного события. Символ — носитель информации, генерирующей мощные «кванты» сакральной энергии. Социум, в культуре которого доминируют символы, обладает высокой степенью ноосферности.

Информационный концепт ноосферной истории порождает разные формы пассионарности (энергии), которая, в первую очередь, структурирует разные формы социального бытия. Таким образом, применение универсумно-семиологического подхода позволяет прогнозировать возможности разнообразных видов, типов и форм социализации, которые моделируются как возможные социальные миры. Нужно исследовать их целесообразность в определенных исторических условиях.

В диссертации Д. Г. Смирнова содержится дополнение основного ноосферного закона — «обратный семиотический закон»: вещество «распаковывается» в энергию, энергия производит информацию. Следование ему даст возможность конкретизировать взаимосвязь между материей и формами духа (социокультурной реальности) в онтолого-гносеологическом и аксио-праксиологическом аспектах. Следует заметить, что автор стремится придать понятиям «ноосфера», «ноосферная история» *материалистическое* содержание, несмотря на то, что *ноосфера* — концептуально-информационная система (у Тейяра де Шардена «ноосфера» — это Божественная среда). Тем самым, устанавливается грань между религиозной объективно идеалистической трактовкой «ноосферной истории», с одной стороны, и материалистическим пониманием, с другой. Ноосферные смыслы — это отражение реальных и даже материальных исторических явлений. Скажем, развитие экономики может идти ноосферным (экологически целесообразным) или неноосферным путем. То же можно сказать о политике, о праве, о науке, о технике и т. п.

Замечание на будущее: надеюсь, что автор продолжит заниматься этой перспективной темой. Концепция выстроена четко и последовательно. Работа завершена на данном этапе исследования. Она имеет аналитико-теоретический характер. Всякое теоретическое исследование должно быть в принципе *открытым* для практических применений. Нельзя вводить абсолютную определенность, концепт и субстрат должны быть «переменными», иметь некоторую степень неопределенности. В практических разработках идет процесс превращения неопределенности в определенность разной степени точности.

Таким образом, количество семиотико-системных моделей исторической ноосферной реальности будет возрастать и ограничиваться только условиями места и времени.

Дмитревская Ирина Владимировна
доктор философских наук, профессор
профессор-консультант кафедры философии
Ивановского государственного университета,
член диссертационного совета Д. 212.062.01
по философским наукам при
Ивановском государственном университете

ЮБИЛЕЙ

НА ДЕВЯТОМ ЭТАЖЕ: СОФИЯ-ПРЕМУДРОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (к юбилею профессора Ирины Владимировны Дмитревской)

В конце концов, смешаются все классы,
вырастет новая интеллигенция;
наше дело для нее сохранить высоту.
С. М. Волконский

В первый год горбачевской перестройки волею судеб оказался в Японии — стране более чем загадочной и необъяснимой для того еще полностью советского времени. На одной из экскурсий гид, достаточно хорошо говоривший на русском, спросил о том, где я работаю. Ответ — «преподаю философию в университете» — поверг собеседника в полное удивление: «Разве можно преподавать философию таким молодым? Все наши университетские преподаватели в почтенном возрасте!» Об этом вспоминаю часто сейчас, когда образовательная реформа вымывает из числа преподавателей самых бескорыстных хранителей мировой мудрости. Самый главный человеческий потенциал общества — это мудрые люди. Еще бы их слушали наши современные эффективные менеджеры, превращающие будущее мира в эгоистические финансовые потоки.

Три четверти века для философа — состоявшаяся зрелость. В этот период рождается новая формула человеческого бытия, когда материальное и волнующее уходит на второй (и даже третий) план, и остается *чистое бытие*, то бытие, которое можно было бы назвать «открытая везде-вечность». Человек приучается жить во всеобщем универсуме — универсуме мира и знаний.

По большому счету, человек не всегда знает, что он живет не просто в третьем мире К. Поппера — объективном мире знаний, он живет в «тридцать третьем мире» (который в сказках называют «тридевятым царством» или «тридесатым государством»): мире, в котором, размышляя о А. Чехове, можно усадить знаменитого писателя на краешек дивана и пообщаться с ним как с хорошо знакомым человеком, который неожиданно пришел в гости; когда думая о мыслесплетениях М. Павича, становишься соавтором живого понимаемого и постигаемого текста; когда Л. Толстой или Ф. Достоевский

вдруг оказываются под одной обложкой, как если бы они сидели за одним столом вместе с Вл. Соловьевым и вели беседы о человеке в его самых высочайших и самых низжайших проявлениях.

Жизнь в ноосферном пространстве и времени («пространстве-времени» или даже просто «времяпространстве») — это действительно современное реальное экзистенциально-персоналистическое событие. Чем сложнее человек, тем сложнее его бытие; даже когда современное огосударствленное общество пытается «поймать человека», «включить его в свою систему», заручить его малыми и большими соблазнами, человек может повторить вслед за классиком жизни в «езде-вечности» — «мир ловил меня, но не поймал». Нет ничего сложнее такого поступка: за этим «отказом от» может стоять не только неизбежность ухода из вуза из-за нежелания ставить липовые оценки детям людей «с рубильниками в руках», но и самозабвенная бескорыстная работа над научной проблемой и издание за свой счет монографий и учебников, по которым учатся понимать жизнь сотни людей. Не зависеть от обстоятельств трудно было и в советское время (тогда можно было просто держать «фигу» в кармане для власти, но делать свое дело), но сейчас формула духовного выживания носит самые экстремальные формы: море знаний покрыто либо пеной, либо нефтяной плёнкой — нынешнее время предполагает не экологию духа или экологию культуры, а только технологию поведения эффективного потребителя. Между духовным, антропологическим и материальным производством образовалась пропасть, которая вполне описывается словами — «молодежь жалко, что они с ними делают».

Советский интеллигент, живущий в постсоветское (и даже в постпостсоветское) время, — феномен поразительный по своей сложности: самое простое, что можно было бы сказать про него — советской интеллигенции больше нет, закончилась даже ее «золотая осень». В действительности это совсем не так: российская интеллигенция предреволюционной поры оставила для новой советской интеллигенции и «клады» и «схроны». Как показывает история, все эти письма дошли до адресата; вот так и современная «советская интеллигенция» оставляет наследство, на которое пока еще нет спроса. Что же это за качества «вечной интеллигенции»? Неистребимая радость жизни и полнота ответственности, великое дружелюбие и бескорыстная помощь, простота в общении и открытая искренность, несгибаемая воля и глубочайший профессионализм, светлый дух

и прозрачность чувств, возрожденческий гуманизм и неподдельное личное достоинство, умение не щадить себя и защитить слабого, простая самоотверженность и разумный аскетизм.

Человеческое качество интеллигенции порождается прямой передачей от человека к человеку особых программ поведения, общения, мышления и понимания. Эти программы есть, конечно, и в книгах, и в статьях, но истинность их обнаруживается только в непосредственном взаимодействии людей при сопутствующих уникальных обстоятельствах. Майкл Полани был бесконечно прав, когда говорил о «личностном знании»: именно оно — неотъемлемая сторона великой интеллектуальной (ноосферной) истории человечества. История регионального интеллигентского сообщества — еще не написанная история, но ее востребованность ощущается все больше и больше. Только сейчас понимаешь, как велика сила воздействия простой человеческой мысли в нормальном просторном обществе и как много могло сохраниться, но ушло безвозвратно, ибо не осталось в аудио или видео формах. (Современному «учащемуся сообществу» в этом смысле повезло — интернет пестрит огромным количеством визуальных лекций, обширных аудиозаписей и прекрасных цветных фотографий.)

Современный человек либеральной российской эпохи — эпохи бессмысленного потребления и бесконечных эгоистических амбиций — по своим собственно человеческим качествам оказывается значительно ниже, чем советский человек вечного дефицита, вынужденный волею «руководящей и направляющей силы» кормить, одевать и защищать полмира (социалистическое интернациональное сообщество). Эпоха простого народного аскетизма, доставшаяся послереволюционной стране справедливости и образования, оказалась прообразом современного общества знаний — самая читающая и самая дерзновенная (и может быть самая трагическая в XX веке) страна получила самое демократическое народное сознание, основы которого были заложены в культурно-усадебный век российской истории, обрела противоречивое интеллигентское сознание, смысл которого для будущей (не современной) России нашим обществом пока еще не осознан. Но придет время, когда интеллигентский и интеллектуальный труд ушедшей в прошлое советской интеллигенции выйдет на поверхность, а может быть станет и той нормой, которая делает страну соборной и общенародной.

Григорий Смирнов

КНИЖНАЯ ПОЛКА

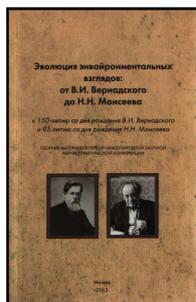
**Владимир Иванович Вернадский в Тамбовском крае.
1848—1918 гг.: Обзор фондов и документов
Государственного архива Тамбовской области
/ Под ред. Г. И. Ходяковой.
Тамбов: ИД «Мичуринск»;
«Пролетарский светоч», 2013. 112 с.; ил. 24.**

Издание, подготовленное научными сотрудниками Государственного архива Тамбовской области **А. Л. Кровяковой, Т. А. Кротовой, Ю. В. Мещеряковым**, представляет собой межфондовый обзор архивных документов, связанных с жизнью и деятельностью В. И. Вернадского в Тамбовском крае. Обзор, в котором опубликованы малоизвестные широкой общественности рукописные документы, отражающие различные стороны жизни мыслителя и его семьи «тамбовского периода», снабжен научно-справочным аппаратом. Публикация адресована всем интересующимся проблематикой персональной и региональной истории России.

Казначеев В. П.
**Учение В. И. Вернадского
о биосфере и ноосфере**
/ Отв. ред. В. К. Шумный.
М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2010. 248 с.

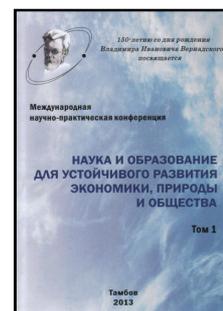
В монографии доктора медицинских наук, академика РАМН **Влаиля Петровича Казначеева** (второе издание) освещены ключевые моменты учения академика В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере в связи с актуальными комплексными проблемами и научными направлениями советской науки. Автор останавливается на таких важнейших вопросах, как взаимодействие человека и окружающей среды в условиях преобразования биосферы, сохранение и развитие здоровья человека, перспектив человечества, определяемых процессами ноосферогенеза. В издании отражена преемственность обобщающих проблем глобального феномена научной мысли.

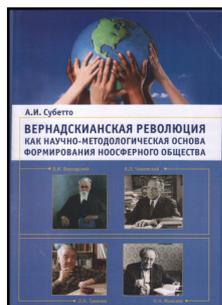
**Эволюция энвайронментальных взглядов:
от В. И. Вернадского до Н. Н. Моисеева.
Сборник материалов Первой международной
заочной научно-практической конференции
/ Под ред С. А. Степанова.
М.: Изд-во МНЭПУ, 2013. 338 с.**

В сборнике представлены доклады научно-практической конференции, приуроченной к 150-летию со дня рождения академика В. И. Вернадского и 95-летию со дня рождения академика Н. Н. Моисеева, организованной Международным независимым эколого-политологическим университетом в феврале 2013 года. В центре внимания авторов статей — роль учения о переходе биосферы в ноосферу и концепции универсального эволюционизма в контексте современной научной картины мира и процессов глобализации; место России в меняющемся мире. Издание адресовано широкому кругу читателей, беспокоящихся за судьбу биосферы в антропогенную эпоху.

**Наука и образование для устойчивого развития
экономики, природы и общества: Сборник докладов
Международной научно-практической конференции.
Тамбов, 6—8 июня 2013 года. В 4 т. / Под ред. Н. С. Попова.
Тамбов: Тамбовский государственный
технический университет, 2013. Т. 1. 580 с. Т. 2. 372 с.**

В сборнике представлены доклады Международной научно-практической конференции «Наука и образование для устойчивого развития экономики, природы и общества», прошедшей в Тамбове 6—8 июня 2013 года на базе наиболее крупного российского вуза, активно занимающегося разработкой научного наследия В. И. Вернадского, — Тамбовского государственного технического университета. В центре внимания исследователей оказались не только вопросы теории и практики учения о био-ноосфере, но и проблемы глобализационной экономики и зеленых технологий, рационального природопользования и экологического права, устойчивого развития, экологической культуры, образования и воспитания. Издание предназначено для специалистов, занимающихся вопросами коэволюции общества и природы.

Субетто А. И.
Вернадскианская революция
как научно-методологическая основа
формирования ноосферного общества
(научный доклад) / Под ред. В. Н. Бобкова.
СПб.: Астерион, 2013. 56 с.

Работа заслуженного деятеля науки РФ, доктора философских наук **Александра Ивановича Субетто**, выполнена в виде научного доклада для Московского экономического форума (Москва, 20—21 марта 2013 года). В издании предлагается концепция вернадскианской (ноосферной и социалистической) революции XXI века и логики становления ноосферного общества как общества, олицетворяющего собой коллективный ноосферный разум. В качестве одного из основных моментов современной глобализации автор выделяет формирование системы ноосферизма — системы синтетического научного мировоззрения.

Смирнов С. Г.
На острие времени.
Иваново: ПресСто,
2012. 88 с.

Издание представляет собой промежуточный отчет (включающий в себя и фотолетопись) по итогам 35-летней работы Ивановского городского семинара «На острие времени» имени Альберта Иоозефовича Вейника, носящего междисциплинарный характер, который раскрывается через синтез проблематики различных областей науки, религии, философии, эзотерических знаний. Автор показывает значение подобных форм самообразования для формирования региональной интеллигенции. Опубликованные документы архива позволяют представить содержательную широту проблематики семинара и проследить логику ее развития.

Петрунин А. М.
Философия мудрости:
Исследование понятия мудрости
от генезиса до системного знания.
Смоленск: Маджента, 2010. 224 с.

Монография кандидата философских наук **Александра Михайловича Петрунина** посвящена научному анализу понятия мудрости. Автор последовательно решает три фундаментальные проблемы: исследование эволюции взглядов на мудрость в истории философии; выявление и обоснование таких форм бытия, которые отражаются в сознании человека в качестве универсалий мудрости; разработка новых элементов гносеологии. В книге нашло отражение системное знание, содержащее попытку решения проблемы органического единства вечности, красоты, добра, истины, счастья и свободы.

Национални идентитет и религија:
Научни скуп. Књига 2.
/ Приредили Зоран Милошевић и Живојин Ђуринћ.
Београд: Институт за политичке студије, 2013. 416 str.

Сборник опубликован в рамках научного проекта «Демократические и национальные возможности политических институтов Сербии в процессах международной интеграции» (179009), финансируемого Министерством науки и просвещения Республики Сербии. В центре внимания авторов статей — трансформация этно-конфессиональной идентичности в рамках глобализационных процессов, происходящих на территории бывшей Югославии, стран бывшего социалистического лагеря и современной единой Европы. Большое значение придается геополитической составляющей международных отношений в системе европейских, околоевропейских, неевропейских государств и США.

SUMMARIES

DMITREVSKAYA Irina Vladimirovna

THE SYSTEM PRINCIPLE AND MYTHOLOGICAL TIME IN PLATO'S DIALOGUE «TIMAEUS»

The article deals with the reflection (representation) of the noospheric idea in Plato's dialogue «Timaeus»; it is proved that the system principle is embodied in cosmology and cosmogony of Greek philosopher. The author reveals the backbone (system creating principle) of the mythological function of time by comparing the sacred time and the profane time.

Key words: system-organized universality, cosmos alive, the mythological time, system hermeneutics, the general noospheric law.

GORELOV Anatoly Alekseevich

BIOSPHERE, PNEUMATOSPHERE AND NOOSPHERE: SPIRIT IN UNITY WITH NATURE

The paper analyzes the basic principles, lying in the foundation of V. I. Vernadsky's biosphere theory. The main attention is paid to linkages (intersection points) of the biosphere theory, P. A. Florensky's idea of pneumatosphere, the whole-unity theory of V. S. Solov'ev and the concept of noosphere.

Key words: biosphere, pneumatosphere, noosphere, environmental crisis, spiritual crisis.

MILOSHEVICH Zoran

**SOCIAL TECHNOLOGIES
AND POLITICAL CONSCIOUSNESS**

This article analyzes the techniques, methods and models of Serb national identity visualization and the formation of political consciousness, distorting the modern ethno-confessional reality, in the media such as Bosnian newspaper «Dnevni Avaz». Author explores the sources of the modern geopolitical consciousness in the context of antagonistic model of identity formation.

Key words: national identity, religion, politics, media, ethics, antagonistic model of identity formation.

**SMIRNOV Grigory Stanislavovich
SMIRNOV Dmitry Grigorievich**

**PHILOSOPHY AND SEMIOTICS
OF NOOSPHERE IDENTITY:
RELIGIOUS ASPECT:**

This article analyzes religious and philosophical aspects of the noospheric identity, understood as a correspondence of a culture to the higher values, generated by the models of «life-being» and «topos-of-growth».

Key words: noospheric identity, co-evolution of religious consciousness, believeness identity, loci of cultural identity.

SMIRNOV Stanislav Grigorievich

ABOUT PROBABLE STRUCTURE OF NOOSPHERE
AND THE BRAIN NATURE

The paper analyzes the linkages of the human brain age programs and a probable structure of noosphere, mainly guiding by non-academic studies of foreign (American and west-European) scientists. The author focuses attention on the phenomenon of the «collective brain» of humanity.

Key words: brain, imprinting, brain program, noosphere, generic program (basic prenatal matrix).

DMITREVSKAYA Irina Vladimirovna

REVIEW

OF D. G. SMIRNOV'S DOCTORAL THESIS
«ONTOLOGO-GNOSEOLOGICAL FOUNDATIONS OF NOOSPHERIC
HISTORY: UNIVERSUM-SEMIOTICS AND SYSTEM-SYNERGETIC
APPROACHES» (IVANOVO, 2012) (09.00.01 — ONTOLOGY AND THE
THEORY OF KNOWLEDGE)

The relevance of the thesis is determined by the need for reflection and resolution of a global conflict in civilization and psychological space. In our opinion, the main contradiction of a postmodern civilization is the appearance of «scissors» between the three components of the noosphere — the technosphere, sociosphere and the world of a person being. The author explores the foundations of the noospheric history to reveal and discover the essence of the universal attribute of noospherity, which existence in the history of humanity and every human being, determines the extent of its reality, causes its integrity, vitality, creativity, physical and mental health and in an ethical focus drives the life to truth, goodness and beauty.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горелов Анатолий Алексеевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН; профессор Свято-Тихоновского православного университета. **E-mail: gorelovata@mail.ru.**

Дмитревская Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, профессор-консультант кафедры философии Ивановского государственного университета. **E-mail: philosivgu@yandex.ru.**

Милошевич Зоран — доктор социологических наук, профессор; научный советник Института политических исследований в Белграде (Сербия); ректор Европейского университета, округ Брчко (Босния и Герцеговина). **E-mail: zoran.milosevic@yandex.com.**

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член-корреспондент Российской экологической академии, заместитель председателя по научной работе Ивановского Биосферно-ноосферного центра Отделения изучения проблем биосферы РАН. **E-mail: gssmirnov@mail.ru.**

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Ивановского государственного университета. **E-mail: dissovet_212@mail.ru.**

Смирнов Станислав Григорьевич — доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Ивановского государственного политехнического университета, член Союза писателей России. **E-mail: S.G.Smirnov@bk.ru.**

Университеты представляют особые организации, которые только частью своих интересов связаны с государством или обществом. Основы их строя покоятся в вечных областях мысли и истины. <...> они могущественно влияют на государство и общество, до известной степени неизбежно отражают происходящие там течения и в то же время имеют независимую от них вековую жизнь, связанную с созидательным научным вековым трудом.

В. И. Вернадский

Эмпирические (исторические события), как правило, проецируются на ось сакрального времени, сопоставляются с актами творения, с универсальными архетипами, бытующими в нем. Происходит системный синтез, где эмпирические события выполняют роль субстрата, а категории мифологического времени — концепта и структуры; таким образом определяется смысловая целостность исторического процесса.

И. В. Дмитриевская

Возникает вопрос, что и как формирует структуру (конструкт) ноосферы? Если считать, что ноосфера структурируется в результате коллективной сознательной деятельности «объединённого мозга» человечества, то придется, прежде всего, решить, всего ли человечества без исключения (то есть каждого индивида), или лишь незначительной его части?

С. Г. Смирнов

Становление ноосферы — возможность, но не необходимость. Ценность этой концепции в том, что она дает конструктивную модель вероятного будущего, а ее ограниченность в том, что она рассматривает человека как, прежде всего, разумное существо, тогда как индивиды и тем более общество в целом редко ведут себя по-настоящему разумно. Пока человечество движется отнюдь не к ноосфере, и последняя остается одной из гипотез...

А. А. Горелов

Каждая культура обладает своей масштабностью и форматом разумности. <...> в неклассической и постнеклассической моделях понимания мира разумность приобретает более широкий смысл. Она имеет общекультурный формат, то есть определяется сложной соподчиненностью художественных, религиозных, философских и научных смыслов.

Г. С. Смирнов